

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКИЙ АРКАН

Исландская карта

Александр Громов

Русский аркан

«ЭКСМО»

2007

Громов А. Н.

Русский аркан / А. Н. Громов — «Эксмо», 2007 — (Исландская карта)

Новый остросюжетный роман популярного фантаста Александра Громова написан в жанре альтернативной истории и «альтернативной географии». Начало XXI века. Граф Николай Николаевич Лопухин, тайный агент Третьего отделения, вырвавшись из плена исландских пиратов, продолжает свою прерванную миссию по спасению русского цесаревича от рук неведомых убийц. Однако его задача невероятно усложнилась, потому что теперь между ним и наследником престола – океан. А над высадившимся на берегах страны Ямато цесаревичем нависла новая смертельная угроза: камикадзе из параллельного мира, где Япония – процветающее и мощное государство. Чтобы Страна восходящего солнца сумела достичь такого расцвета, следует максимально ослабить ближайшего и наиболее сильного конкурента – Российскую империю...

© Громов А. Н., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

ПРОЛОГ,	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ,	12
ГЛАВА ВТОРАЯ,	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	38
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Громов

Русский аркан

ПРОЛОГ, предостерегающий читателя относительно пагубности национальных компромиссов в домостроительстве

Подобно большинству европейских дипломатов в Токио, мистер Арчибальд Хэмфри Дженнингс, второй секретарь британского посольства, имел жительство в специально построенном небольшом домике, сочетавшем в себе достоинства английского коттеджа и недостатки туземного жилища – или, может быть, наоборот, кто знает? Один этаж. Стены кирпичные, но кровля совершенно японская, если не считать выведенной через нее каминной трубы. Окна – сдвигающиеся вверх на английский манер. Входная дверь также вполне европейская, но расположена на деревянной открытой веранде, окружающей дом со всех сторон. Вокруг дома разбит сад – и это при безумной дороговизне земли в Токио! – но с парадной стороны за живой изгородью зеленеет ровный, совершенно не японский газон. Говоря короче, эклектическая и вызывающая улыбку усадьба.

Внутри дома – тот же смешной компромисс. Европейские комнаты, но с раздвижными японскими дверями и татами на полу. Поскольку мистер Дженнингс терпеть не может разуваться в помещении, в большой гостиной и спальне настелен дубовый паркет, а в остальных помещениях татами приходится часто менять. Малая гостиная – в японском вкусе с бумажными на деревянной раме стенами, разрисованными бамбуками и птицами. Таковы же личные покои госпожи Акико и комнатухи прислуги. Мебели в европейском понимании нет. В изящно отделанных ящиках хранятся футоны и одежды, а зимой неизбежна жаровня с чадящими угольями – максимальный риск пожара при минимальном обогреве.

Но спальня и большая гостиная с камином очень напоминают старую добрую Англию – если опять-таки не обращать внимания на двери и не очень внимательно вглядываться в отделку. А если вглядеться, то и здесь обнаружится неистребимый туземный колорит. Чему и удивляться – пусть мастера строили дом «по западным образцам», но ведь мастера-то были японцы.

Совсем недавно, если считать по календарю, и ой как давно, если вести счет времени по ошеломляющим событиям, сопровождающим смену эпох, правительство императора выделило для западных дипломатов участки земли в той части Токио, которая примыкает к реке Цкидаки близ ее устья, и позволило строиться. Земля, разумеется, отдавалась в аренду, ибо никакой ниппонец и помыслить не может о том, чтобы гайдзинам было дозволено приобретать в собственность землю Ямато. Западным варварам, увы, и без того разрешено слишком многое! Они смешны и отвратительны на вид. Они принесли с собой свои обычаи. Где это видано, чтобы в Токио улицы не запирались на ночь? Теперь не запираются. И многое еще сделано в угоду светловолосым уродам, явившимся из-за океана. Население недовольно и мечтает только о том, чтобы выбросить всех до одного гайдзинов в море. Многие молятся, чтобы скорее пришло это время.

Возможно, оно и придет. Но не сейчас. Сейчас-то даже самому глупому уличному подметале ясно, что от гайдзинов с их дымящими пароходами, всесокрушающими пушками и несокрушимой алчностью так просто не избавиться. Менее понятна, но терпеливо вдалбливается властями в головы подданных еще более радикальная мысль: гайдзины просто-напросто нужны. Сами того не желая, они помогут стране Ямато достичь небывалого в истории могу-

щества – и пусть тогда пеняют на себя. Новая эпоха отличается от прежней не только девизом правления. Наступили удивительные, невероятные времена. Виновен ли человек в том, что удивительное новое подчас кажется ему отвратительным?

Виновен. Необходимо приспособливаться. Кто не может приспособиться, тот должен перетерпеть. Кто не способен ни на то, ни на другое, кто примыкает к безумцам, разбойничающим на дорогах, или просто выказывает недовольство, тот совершает преступление перед божественной властью императора и подлежит суровому наказанию.

Поэтому почти для всякого японца, а особенно для столичного жителя, насущно выгодно изображать, будто ему по нраву целые улицы, застроенные нелепыми домами гайдзинов – всех этих послов, атташе, секретарей посольств, а то и просто торговцев. Гайдзины довольно противны, но, право, очень смешны. К ним можно притерпеться. От них исходят заказы, так что есть и выгода. А кто не в силах перебороть отвращение, может делать вид, будто никаких гайдзинов в Токио вообще не существует. Столица настолько велика, что варвары, сколь бы шумны и многочисленны они ни были, тонут в ней, как горсть песка в океане. В соседней Иокогаме европейцев еще больше, но разве от того этот город перестал быть ниппонским?

По местным меркам, дом мистера Арчибалда Дженнингса довольно зауряден. Как во многих других домах европейцев в Токио, нового гостя охватывает здесь веселое изумление, причем вне зависимости от того, европеец этот гость или японец. Вот, например, ванная комната. В ней ванна – преобладающая деревянная бадья овальной формы, посередине которой торчит железная труба, сообщающаяся с трубой камина и имеющая сбоку дверцу для закладывания внутрь раскаленных углей. Смешно обоим – европейцу и японцу, но смешно по-разному. Европейца веселит диковинная конструкция ванны, японца – ее местоположение в доме. Это надо же выдумать – построить для мытья тела специальную комнату, да еще запираемую изнутри на специальный крючок! Ну не умора ли?

Веселость европейца сходит на нет, когда он начинает испытывать нужду в посещении другой маленькой комнатки. Увы, уборная в доме отсутствует. В свое время это обстоятельство вызвало большое неудовольствие мистера Дженнингса. А с другой стороны, как же прикажете строить, если в Токио до сих пор нет канализации? Сама мысль о том, что отхожее место может располагаться в стенах жилища, вызывает у японца глубокое отвращение. Воистину – это мысль, достойная гайдзина!

И мистер Дженнингс, и его временная супруга госпожа Акико, и прислуга – все пользуются специальной будочкой в саду, очень чистенькой и веселенькой на вид. К будочке проложена узенькая дорожка, столь изящно огибающая сливовые деревья, что всякий на пути к будочке остановился бы полюбоваться, если бы не спешил. В холодное время года посещение уборной кажется европейцам изуверским упражнением для воспитания стойкости духа и тела, но теплой летней ночью, когда деревья в саду кажутся таинственными, ласковый ветерок слегка шевелит листву, а в траве неистово верещат цикады – почему бы и нет?..

«Ну какое мне дело до чьей-то уборной?» – вправе спросить любой читатель и особенно читательница. Умоляю вас, имейте терпение, дамы и господа! Очень скоро вы убедитесь, что дорожка, ведущая к уборной, важна для действия, для вас и с особенной силой для мистера Дженнингса.

Все произойдет именно на ней. Ранней ночью, когда чуть слышно шелестит листва, светят звезды, оглушительно стрекочут цикады, а жизнь кажется удивительной и, главное, вечной.

Но пока только ранний вечер. Мистер Дженнингс идет пешком из посольства домой. Он молодежав, подтянут, одет без шика, но изящно. Обычно он проделывает этот путь на рикше, но сегодня решил пройти, чтобы дать время разбегающимся мыслям сложиться в систему. У второго секретаря был нелегкий день, и внутреннее чутье подсказывает ему, что неприятности еще не окончены.

А день начался печально – похоронами. Весь токийский дипломатический бомонд прощался с сэром Джеффри Палмером, британским военным атташе, храбрым полковником, трижды раненным под Кандагаром, награжденным орденом Подвязки и возведенным в рыцарское достоинство после успешных переговоров с шейхом Кармалем... и так далее, и так далее... Список наград полковника был велик, но уступал списку его заслуг, а главное, покойный пользовался не только всеобщим уважением как истинный джентльмен и толковый дипломат, но и подлинной любовью всей европейской дипломатической колонии. Моложав, подтянут, отличный спортсмен, не по-британски остроумен и быстр на язык, неотразим для женщин...

Полковника оплакивали совершенно искренне.

Ходили, правда, шепотки о том, будто бы сэр Джеффри особенно успешно проявляет себя в делах тайных, находящихся в ведении полиции и контрразведки, но о каком дипломате не ходят такие слухи? Полноте! Люди выполняют свои профессиональные обязанности, а их начальство в Лондоне, Париже, Берлине или Петербурге интересуется только качеством их работы, вовсе не приплетая сюда столь неуместное в данном случае понятие морали. Если уж совсем начистоту, то шпионская деятельность совершенно необходима для сохранения баланса сил между державами и, следовательно, для поступательного движения цивилизации по пути прогресса вплоть до достижения мировой гармонии. И какая, скажите на милость, разница, ведется ли шпионская деятельность под дипломатическим прикрытием или же без оногo?

Первое удобнее – вот и вся разница.

А вот умер полковник не очень хорошо. Не на поле сражения, не от кинжала убийцы, не от пули в висок ради спасения чести и не на дуэли – от отравления туземной снедью, поданной в японской харчевне нерадивым поваром! Это Судьба. Она гораздо на жестокие шутки.

Но мистер Дженнингс имел все основания подозревать в смерти Палмера отнюдь не слепую и глупую Судьбу. Он знал, что Палмер заглянул в туземную харчевню не ради сомнительных прелестей японской кухни. Сэр Джеффри имел там встречу со своим агентом. Агент-туземец после встречи исчез бесследно, и все попытки найти его оказались безуспешными. По всей вероятности, искать его следовало на дне Сумидогавы либо какого-нибудь городского пруда или канала. А полковник вскоре после возвращения в посольство почувствовал себя плохо и спустя три часа скончался в ужасных судорогах, несмотря на все усилия европейского врача.

Где прокол? Кто начал охоту на британскую резидентуру? А главное: в чем причина? Какая из тайных операций незаметно для основных ее фигурантов вступила в критическую фазу? На эти вопросы мистер Дженнингс пока не нашел ответа.

В гипотезах недостатка не ощущалось. Их было гораздо больше, чем хотелось бы Дженнингсу и троем его подчиненным. Все дни и ночи между кончиной сэра Палмера и его похоронами в посольском флигеле за закрытыми ставнями и плотно занавешенными шторами шла напряженная работа. Вычерчивались схемы, отрабатывались версии, летели на пол скомканные бумажные листки, теребилась агентура, настойчиво стучал телеграфный аппарат, посылая шифрованные запросы прямо в Лондон – через Корею, через Китай, через невозможно громадные просторы России, – и трескуче печатал ответные сообщения на конвульсивно дергающейся ленте.

К исходу третьих суток число версий сократилось, но все еще оставалось больше одной. Дженнингс пошел на похороны шефа. Он не мог не пойти. Ошалевший от неимоверного количества выпитого кофе, отравленный табаком, отупевший от бесплодных мозговых усилий, он воспользовался поводом отвлечься от бегающих по кругу мыслей.

Русские, немцы, французы, итальянцы, австрийцы, голландцы... Все нации, имевшие в Токио дипломатические представительства, сочли своим долгом обозначить свое присутствие на похоронах. От немцев прибыл сам посол граф фон Штилле со своими чудовищными усами, подкрученными кверху до самых бровей. От русских прибыл посланник Корф, от французов – временный поверенный Дюшампи. Японскую сторону представлял префект токийской поли-

ции, явившийся с целой толпой чиновников. Ни правительство, ни императорский двор не прислали уполномоченных выразить сожаление, и Дженнингс терялся в догадках: случайно ли? Он жил в Японии всего три года, приехав сюда уже после реального открытия страны и незадолго до открытия официального, и пока еще не мог похвастать доскональным знанием этого клочка на карте мира и его непостижимого народа. Да и кто осмелится утверждать, будто полностью разобрался в характере и обычаях японцев?

Вопрос номер один: кто нанес удар? Японская версия слегка увяла за минувшие три дня, но еще не настолько, чтобы ее можно было сбросить со счетов. Кроме нее оставались еще две версии – германская и русская.

У каждой из сторон можно усмотреть свои возможные мотивы. Корф выглядит огорченным и озадаченным, но это ровным счетом ничего не значит. Фон Штилле настроен торжественно, что у надутого пруссака всегда выходит смешно. Можно не сомневаться, что французская и итальянская колонии, получив обильный материал для остроумия, немедленно пустят этот материал в дело, иными словами, в сплетни, фельетоны и карикатуры своих газетных листов. Физиогномический анализ японцев, как всегда, бесполезен.

Печальная церемония кончилась, а ощущение беспокойства осталось. Вдобавок разыгралась мигрень, и Дженнингс, объявив перерыв в «мозговом штурме», распустил подчиненных по домам и сам решил провести ночь подобающим белому господину образом – под крышей своего домика, где маленькая Акико встретит мужа радостным щебетанием и создаст иллюзию семейного покоя. Японки замечательно это умеют.

Как просыпающийся человек уже реагирует на явь, но еще досматривает последние сюжетные перипетии наполненного драматизмом сна, так и Дженнингс, возвращаясь домой, никак не мог выбросить из головы смерть Палмера. Было ли что-то такое, о чем мог знать только покойный и более никто? Похоже, нет, но это чисто теоретическое построение... Или все-таки стоит допустить невозможное: смерть полковника не связана с исчезновением агента и явилась следствием глупейшей случайности? Любой разведчик знает, с каким утонченным издевательством вмешивается иной раз Фатум в точнейше выверенные планы...

Кстати. Если охота на резидентуру и вправду началась, то на каком основании он, Арчибалд Дженнингс, еще жив? Долго ли устранить человека в громадном муравейнике, именуемом Токио?

Припекало. На ходу англичанин вынул носовой платок, неспешно вытер лоб, а заодно обозрел в крохотное зеркальце улицу позади себя. Ничего подозрительного... И все-таки, быть может, следовало попросить охрану? Префект не отказал бы...

Конечно, так и следовало поступить. Дженнингс вдруг усмехнулся углом тонкогубого рта. Неужели он, подобно японцу, стал больше всего на свете бояться показаться смешным? Наверное. То ли взаимопроникновение культур, то ли распространение инфекции, сразу и не поймешь. Неужели британский офицер и дипломат вправе показать туземцам, что боится насильственной смерти?

Немыслимо. Тем более – японцам с их кошмарными и часто непостижимыми понятиями, от которых на мило разит средневековьем и театральностью. Честь – всё, а жизнь не стоит ломаного пенса... причем зачастую все равно, чья жизнь. Как дикаря ни лакируй, он дикарем и останется. Между европейцем и японцем – пропасть.

И главное: обратиться к местным властям было бы разумным шагом, если бы имелись веские улики, указывающие на преднамеренное убийство сэра Палмера. К сожалению, Дженнингс до сих пор не располагал ничем, кроме подозрений.

Тот, кого он пытался рассмотреть в маленькое зеркальце, находился сейчас далеко, почти на окраине города и решительно ни у кого не вызывал любопытства. Пожилой японец, почти старик, согнутый под большой вязанкой хвороста, неторопливо углублялся в Токио. На теле старика колыхались ветхие обноски, голову покрывала коническая шляпа из сухой осоки. Сло-

вом – бедняк. Надо думать, не крестьянин, а из городской голытьбы. Таких много живет по городским окраинам.

Строго говоря, в Токио не так уж много мест, которые можно было бы назвать не окраинами. За пределами городского центра, ограниченного морем, Сумидогавой и внешним каналом, тянутся по холмам и низинам огромные предместья, недавние деревни. Пожилой бедняк, ковыляющий по немощеной улице с вязанкой дров на горбу, зауряден здесь свыше меры – никто не обернется. А через пять минут никто, пожалуй, и не вспомнит, что здесь проходил такой человек. Мало ли всяких!..

Бедняка окликнули не раньше, чем его старенькие гэта застучали по мостовой фешенебельной части города. Молодой полицейский, тщетно пытающийся скрыть физическое страдание, причиняемое ему новеньким, пошитым на европейский манер мундиром, сердито спросил оборванца, что ему здесь надо. В ответ оборванец замычал, заулыбался редкозубым ртом и начал бестолково жестикулировать, как сделал бы всякий немой, да еще и слюну пустил, как слабоумный. Подозрений он не вызвал, услышал сердитое: «Уходи!» – и заковылял дальше, держа путь к устью Цкидаки.

Небо темнело. От фонаря к фонарю, беззаботно напевая, прошел фонарщик с короткой лесенкой. Круги желтого света легли на мостовую, а темнота между ними стала чернее и глубже. Никто не видел, как пожилой японец с вязанкой хвороста вошел в темную полосу и неожиданно легко взвился в воздух, перескочив ограду.

Бесшумно приземлившись, огляделся. Затем встряхнулся по-собачьи и сразу стал быстр и точен в движениях.

Спустя четверть часа, никем не замеченный, он достиг места, известного ему по подробному описанию. Здесь со стариком произошла метаморфоза.

Выбрав наиболее темное место в саду, он разделся донага, избавившись от лохмотьев и конической шляпы. Не нашумев, развязал узлы и извлек из вязанки хвороста два самурайских меча разной длины и матерчатый сверток, распавшийся на три части: нижнее кимоно тонкой материи, штаны-хакама и куртка-хаори. Не спеша, но и не теряя времени, бывший нищий старик преобразился в самурая, еще совсем не пожилого на вид.

За час, прошедший после этого, он сделал только одно – держась темных мест, прокрался к окну европейской гостиной и удостоверился: англичанин дома. Из окна доносился его голос на варварском наречии, смех женщины и непривычные японскому уху звуки музыкального инструмента гайдзинов – жена дипломата училась играть на пианино. Голос англичанина выдавал усталость.

Что ж, сегодня его сон будет особенно крепок.

Но перед сном он, конечно, заглянет в уборную. Придется позволить ему опорожниться – нехорошо, когда из мертвеца хлещет не только кровь. Всякий враг достоин уважения, пока не доказал обратного.

Взошла луна. Она была желтая, как пятна света на мостовой под газовыми фонарями, но листва в саду посеребрилась. Комар впился в щеку самурая – тот не почувствовал. Вывела первую, пробную руладу цикада, следом еще одна. Метеор прочертил небо. Волшебная ночь! На улице возле фонарей кружились ночные мотыльки. Умолк в доме глупый музыкальный инструмент желтоволосых варваров. Наверное, скоро...

Гайдзин появился через минуту. Постоял, глупо таращась, различил дорожку и неспешно прошел в уборную. Зевнул, не прикрыв рта ладонью. Эти гайдзины напоминают людей, только когда они наедине сами с собой...

Чиркнула спичка в будочке, затрепыхались отблески света и через минуту погасли. Погасив свечу, Дженнингс прикрыл дверь уборной и зашагал к дому.

И сейчас же прямо перед ним с пугающей беззвучностью призрака возникла невысокая коренастая тень.

В первую секунду Дженнингс осознал, что перед ним стоит человек, японец, и что в сад он пробрался тайно. Во вторую секунду – пожалел об отсутствии револьвера. Надо было взять. В Японии не так уж смешно ходить в уборную с оружием.

Забыл... Слишком устал...

Шагнув вперед, незванный гость отвесил неглубокий поклон и вымолвил по-японски не слишком торопливо, чтобы гайдзин расслышал каждое слово и понял общий смысл:

– Господин, я должен взять вашу жизнь.

Дженнингс понял сразу. Кто-то нанял самурая для убийства. Их – голодных полусумасшедших ронинов, объявленных вне закона за упорство в предрассудках, – теперь можно купить пучок на шиллинг. Ни для кого не секрет, что некоторые из них отваживаются пробираться в город под покровом ночной темноты, не слишком скрывая ни мечей на боку, ни перевязанного колечком локон на затылке.

Не слишком торопясь, убийца обнажил длинный меч и двумя руками поднял его рукоять к правому плечу. Лунный свет холодно блеснул на лезвии.

Дженнингс колебался не более мгновения.

Искать спасения в доме было, во-первых, невозможно – убийца преграждал путь, а во-вторых, бессмысленно. Попытка скрыться в саду также не обещала успеха – среди низкорослых слив, растопыривших во все стороны корявые ветви, маленький японец легко настигнет долгового англичанина. Оставалось одно: рвануться в сторону улицы и молиться о том, чтобы не застрять в живой изгороди. Улица освещена; по ней часто проходит полицейский патруль...

Неслышно, как кошка, убийца сместился вбок, и Дженнингс подумал: японец будто читает его мысли.

В следующее мгновение англичанин стремительно прыгнул вперед и еще стремительнее выбросил перед собой кулак. Хук левой ошеломит противника, а большего и не требуется. Нужно выиграть буквально секунду...

Никто и никогда не мог упрекнуть Арчибальда Дженнингса в том, что он теряет голову в минуту опасности. Британия не овладела бы половиной мира, если бы посылала за моря трусов. Британский офицер как минимум храбр, а для сотрудника Интеллидженс Сервис храбрость настолько же заурядное качество натуры, как глубокий ум и умение мгновенно принимать решения в критических обстоятельствах.

Увы, одной храбрости оказалось мало – даже вкупе с умением неплохо боксировать. Дженнингс не удивился, а лишь ощутил укол досады, когда его кулак встретил пустоту. Проклятый японец легко ушел от удара. Умудрившись не потерять равновесия, англичанин вихрем пронесся там, где только что стоял его противник. Скорее к живой изгороди!

Если бы человек прислушивался в такие мгновения к голосу разума, он несомненно услышал бы: «Не спеши. Ты уже труп». Но огонек надежды сильнее. Человек сам раздувает его в себе до масштабов пожара.

И в одном случае из тысячи – не напрасно.

Но Дженнингсу не суждено было выиграть в этой лотерее. Темная коренастая фигура подпрыгнула с изумительным проворством, лезвие мелькнуло молнией, шипяще свистнуло, наискось рассекая воздух, затем негромко хряснуло, встретив плоть, и мистер Дженнингс, пробежав еще два-три шага, начал заваливаться влево. Завалился, обломав ветку корявой сливы, дернул ногой, замер. Луна осветила темный провал, почти полностью отделивший от торса англичанина его голову и левую руку.

Неистово стрекотали цикады.

Убийца вытер лезвие об одежду трупа и вернул меч в ножны. Огляделся, прислушался. Тихо. Скоро слуги и жена гайдзина поднимут тревогу, но времени вполне достаточно, чтобы уйти задворками усадеб. Переодеваться незачем. В ночное время маскарад теряет смысл –

полиция все равно проявит пристальный интерес к любому прохожему, если только он не гайдзин.

Спустя несколько секунд туман, повисший мертвым слоем в низине у реки Цкидаки, скрыл фигуру убийцы. В сливовом саду, пронизанном оголтелой луной, остались разрубленный наискось труп мистера Дженнинга, бедняцкие лохмотья да хворост из рассыпавшейся вязанки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой великую княжну внезапно охватывает страсть к путешествиям, а цесаревич участвует в народной дипломатии

Дождя не было уже три недели. Крымский зной затопил Ливадию.

Ночью ворочалось море, шевеля гальку, но к утру разглаживалось, хоть смотришь в него. В море происходили неведомые катаклизмы – то вся прибрежная мелководная полоса за одну ночь превращалась в сплошной кисель из медуз, надолго делая невозможным купание, то ласково-теплая вчера еще вода менялась на такую студеную, что великий князь Дмитрий, нырнув с разбега, сейчас же вынырнул, неприлично взвыл и пулей выскочил на пляж. Видели гнутый хобот водяного смерча, рассыпавшийся не далее версты от берега. Однажды по обе стороны от солнца возникли два ложных светила и еще какие-то полосы, с виду красивые, разноцветные, вроде радуги, но пугающие и решительно никому не нужные.

На Петров пост тряслась земля, тяжело вздыхали горы, фасад дворца дал трещину, и вылетевшим стеклом отсекло хвост ручному павлину. Всего через полчаса с моря пришла одна, но зато двухсаженная беснующаяся волна, переломав все лодки у причала и сам причал. Вслед за адской волной морской бриз принес такую вонь, что хоть святых выноси. Прислуга, крестясь, шепталась: это только начало, быть большой беде.

Кто ощущал себя в своей стихии, так это Дмитрий Константинович. Книга Природы показала ему склеенные прежде страницы – только не ленись читать. Глаза его горели, и он увлеченно излагал сестре свежие научные теории о внезапных черноморских апвелингах, о редких атмосферных явлениях и о причинах землетрясений. О большой волне он, оказывается, тоже знал заранее и сразу после подземных толчков помчался на берег, где предупредил рыбаков и чуть ли не палкой выгнал с пляжа нескольких зевак, дивившихся на отступившее море. А потом надоел Катеньке длинным рассказом о больших волнах, внезапно приходящих с моря, описал зафиксированные историками черноморские водяные бесчинства и отдельно пожалел японцев, время от времени подвергающихся атаке таких громадных волн, что куда там редкие и низенькие черноморские цунами! До японских чудовищных волн им еще расти и расти!

На Екатерину Константиновну живость брата действовала удручающе. Если человек не слеп, он легко различает настоящее и наигранное. Даже если человек этот – молодая девушка. Напрасно старался Митенька развлечь сестру. Не помогали ни разговоры о великих тайнах природы, ни верховые прогулки с пикниками, ни купания, ни пышная таврическая экзотика.

Митенька сулил поездку в Балаклаву, где на дне изогнутой червяком бухты ловцы устриц нашли недавно остов греческого судна, груженного ушастыми амфорами. Уже и до Ливадии дошел слух, что местные греки навострились поднимать эти амфоры на поверхность для продажи состоятельным отдыхающим.

– А в амфорах – вино, ты себе представляешь? Ему в прошлый вторник исполнилось две тысячи лет. Укус, конечно, зато какой выдержки! – Великий князь хохотал. – За один этот срок вино можно продавать с аукциона. Кто выпьет, того вот этак перекосит, а ведь все равно будет нахваливать...

Шутил братец, болтал без умолку, играл роль записного весельчака, коим отродясь не был. Старался для сестры, да все напрасно.

Дня три казалось, что Катенька увлечена ролью Марьи Антоновны в любительском спектакле. Ставилась вся комедийная трилогия господина Крохаля: «Ревизор», «Обер-ревизор» и «Генерал-прокурор». Играть городничего вызвался претолстый и басовитый великий князь

Сергей Владимирович, двоюродный дядя. Митенька играл почтмейстера и был уморителен. Но кончилась забава, и все пошло по-прежнему. Скука в сочетании с тревогой – опасная смесь.

Великий князь понимал это и лез из кожи вон – до вчерашнего утра. Сразу после завтрака император увел младшего сына на прогулку, и продолжалась та прогулка до самого обеда, в продолжение которого Митенька казался весьма озабоченным. О чем говорили наедине отец и сын по дороге на Ай-Тодор и обратно, теоретически считалось неизвестным – практически же нет и не бывало тайн, недоступных для челяди. Поскольку сразу после обеда Дмитрий Константинович надолго заперся в своем кабинете, а государь император не имел привычки болтать лишнее, следует признать факт самозарождения слухов, наполнивших дворец.

Что тут удивительного? В конце концов Екатерина Константиновна знала от брата, что некоторые ученые все еще отстаивают гипотезу о возможности самозарождения жизни в наше время, тогда как их противники указывают, что кипятить субстрат надо дольше. А уж слухи зарождаются гораздо легче, чем те студенистые живые комочки, которые Катеньке показывал в микроскоп учитель естественной истории. Удивительным было другое: распространившиеся по дворцу слухи оказались доподлинно правдивыми. Случай хотя и странный, но, надо признать, не такой уж редкий.

Митенька получил в наместничество Дальний Восток! Понятно, отчего ему вдруг стало не до сестры с ее амурными терзаниями...

Екатерина Константиновна сердилась: бездушный! И ему, и всем вокруг до нее дела нет. Братец въедлив; будет вникать в дела наместничества с упорством корабельного червя, гложущего доску, пока не освоится, как у себя дома. Да ведь не в те дела, в какие надо бы! Сухарь! Ну какое ему дело до страдающего на Шпицбергене статского советника Лопухина? В империи тьма-тьмущая статских советников, а этот даже не имеет касательства к вверенной великому князю провинции.

Теперь уже забылось, что при первой весточке о Лопухине сердце щебетало весенней канарейкой: жив! Жив!

Строго говоря, весточек было две, и обе пришли в один день. Первой оказалась каблограмма из Понта-Дельгада, отосланная капитаном Пыхачевым в морское министерство и немедленно пересланная в Ливадию. Пыхачев рапортовал о морском сражении с пиратской эскадрой исландцев, о героической гибели «Чухонца», о потоплении неприятельского броненосца, о потерях и, разумеется, о драгоценном здоровье цесаревича. «Победослав» застрял на Азорских островах для ремонта и пополнения запасов. О статском советнике Лопухине сообщалось кратко: пропал без вести, будучи выброшен взрывной волной за борт во время боя. Больше ничего.

С точки зрения Екатерины Константиновны, капитан мог бы написать о Лопухине побольше, а о здоровье цесаревича – поменьше. Она мгновенно возненавидела этого Пыхачева. Бездушный винтик! Ничего нельзя понять. «Пропал без вести» – это как? Жив ли? Неужто нельзя было выяснить?

Во дворце повеселели, папá распрямил плечи и улыбался, зато Катенька места себе не находила. Но на закате того же дня Митя настойчиво увлек ее на прогулку к морю:

– Жив он, твой ненаглядный, жив.

– Правда? – только и спросила Катенька, слабо ахнув.

– Думаю, правда. Ныне выкуп за мертвого никто платить не станет. Научены. Деньги против персоны.

– Да что ты такое мелешь! – рассердилась великая княжна. – Какой мертвый? Какой выкуп? Толком объясни!

Дмитрий Константинович покорно вздохнул.

– Известное тебе лицо в плену у исландцев. Выкуп: два миллиона золотых рублей. Пустячок.

Последнее слово было произнесено с сарказмом.

– Казна должна выплатить, – сейчас же выпалила Катенька, сжав кулачки, и даже ножкой притопнула.

– Не нашего с тобой ума это дело.

– Отчего же? – горячо возразила великая княжна. – Разве не папá отправил Николая Николаевича в это плавание? Кому же платить? Если не из казны, тогда из личных сумм...

Митенька согласно кивал в ответ, но что он думал, о том оставалось лишь гадать. Возможно, у него на языке вертелся вопрос: «Разве казна выкупала офицеров, попавших в чеченский плен, сгнивших во вшивых зинданах? Чем они хуже статского советника Лопухина? Точно так же исполняли свой долг... И разве мало русских моряков томится на угольных коях Шпицбергена? Если за каждого платить выкуп, государственный бюджет вылетит в трубу, а проблема решена не будет. Да и аморально платить пиратам!»

Нельзя отрицать, что голову Дмитрия Константиновича могло посетить и еще одно соображение: пленение или даже гибель Лопухина означает решение одной деликатной семейной проблемы. Великий князь мыслил по-государственному.

– ...как честный человек папá обязан! – завершила горячую речь Катенька.

– Прежде всего он государь, – несколько туманно возразил Митя.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Ровным счетом ничего. Вопрос о выкупе будет так или иначе решен, будь уверена.

Сказать по правде, Катенька не была в этом уверена, но ничего более от брата не доби-лась. Слабо представляя себе механизмы закулисных дел (не вступать же с пиратами в официальные сношения!), она могла предположить дальнейшее лишь в самых общих чертах. В лучшем случае исландцам будет предложена вчетверо меньшая сумма. Вполне вероятно, их попытаются припугнуть, из чего вряд ли выйдет толк. Эта публика не из пугливых. Начнется долгий торг за сумму выкупа, и пока он будет продолжаться, Николай Николаевич останется в плену. Не исключено, что исландские висельники упрячут его в угольную преисподнюю Шпицбергена, дабы сделать русских более сговорчивыми. К тому же переговоры наверняка будут вестись не напрямую, а через посредников, что удлинит их. Время – не только деньги. В известных обстоятельствах время – жизнь. Пройдут долгие месяцы, прежде чем Николай Николаевич ступит на русскую землю – согбенный, с потухшим взглядом, с бесповоротно загубленным здоровьем...

И это еще в самом лучшем случае!

Решение стоило бессонной ночи. «Хоть бы всплакнула для приличия», – подумала Екатерина Константиновна, чуть забрезжил рассвет. Глаза остались сухими. Великая княжна не могла вспомнить, когда плакала в последний раз. Давно, очень давно. Еще в детстве, конечно. С тех пор – нет. Ну что это за барышня, которая не умеет выдавить из себя слезу без помощи лука! И неестественно, и невыгодно...

– У тебя круги под глазами, – сообщил ей наблюдательный, но недогадливый Митенька на прогулке после завтрака. – Неужели плакала?

Ответ был таким, что братец сбился с шага.

– Я выйду замуж за Франца-Леопольда.

– С условием? – догадался Дмитрий Константинович.

– Конечно. Великим князьям даруется на свадьбу один миллион рублей, не так ли?

– Совершенно верно. Такова традиция. Но прилично ли нам обсуждать это?..

– Мне нужны два миллиона и сейчас, – твердо заявила Катенька.

Братец даже на шаг отступил от неожиданности. Прозрев – сделал судорожный вдох.

– Побойся бога! Подумай, кто получит эти деньги!

– Мне все равно! Только бы он был жив. Разве я не вольна распоряжаться своими деньгами?

– Прости, но это деньги государственные...

– Казна не обеднеет!

Любезный брат Митенька лишь всплеснул руками и в перепалку не полез. Видно было к тому же, что сейчас его гораздо больше заботят не чувства сестры, а дела дальневосточного наместничества. Получить в управление территорию размером с пол-Европы, имея всего двадцать два года от роду, – это как пигмею бросить вызов великану.

– Ну хорошо, – вздохнул великий князь. – Что ты от меня-то хочешь?

– Поговори с папá.

– Так я и знал. А самой переговорить не проще ли будет?

Щеки великой княжны вспыхнули.

– Прости. Если ты настолько занят...

– Я занят, – вздохнул Дмитрий Константинович, – но я переговорю... Только не надо меня целовать, пожалуйста! Я считаю, что ты выдумала глупость. Зря ты решила играть роль героини античной трагедии. Самопожертвование тебе совсем не идет. Но это твоя глупость, не моя.

– Пусть глупость!

Женские аргументы, как правило, неотразимы. Митенька только руками развел. Пусть его рациональной душе не чужды были шалости – но возводить глупость в доблесть? Этого великий князь понять не мог.

– А, вот вы где! – Тоненький голосок возвестил о появлении десятилетней Ольги Константиновны, младшей дочери государя. Голосок выдавал обиду на весь белый свет. Государь, недовольный более чем скромными успехами Оленьки в изучении родного языка, проявил крайнюю жестокость: приказал несносному учителю Розендалю продолжать заниматься с великой княжной и в Ливадии. У гимназистов каникулы? Ну и что? «Ты не гимназистка!» – гремел голос Константина Александровича.

И вот теперь вместо морских купаний, пикников и прочих удовольствий несчастная жертва великорусской грамматики ежедневно списывала по десятку страниц под диктовку придиры-учителя. За каждую ошибку следовал разнос; за пять ошибок несносный тиран оставлял великую княжну без сладкого.

Вот и сейчас глаза Ольги Константиновны были на мокром месте.

– Привет страдательному залогу, – иронически поклонился Митенька.

Младшая великая княжна сердито сверкнула глазами. Только что она хотела пожаловаться на несчастную свою судьбу, чтобы ее утешили, но теперь рвалась в бой. Господь наградил обеих сестер одинаково твердым характером.

Однако великий князь боя не принял.

– Что на сей-то раз случилось? – спросил он заинтересованно.

Оленька подумала и решила в словесную пикировку не лезть.

– Я написала «карова».

– Правда? – восхитился Митенька. – А как надо?

– Не знаю! Он не снизошел! Это вы, говорит, найдете в моем словаре, ваше высочество! Ничего, кроме словаря, не написал, а туда же – учит!

– Словари не пишут, а составляют, – поправил великий князь и вдруг подмигнул. – В следующий раз пиши это слово через «ы». Проверочное слово – «бык», понятно?

Оленька кивнула, попыталась произнести и тут только догадалась, что братец насмехается. Топнула ножкой, оглянулась – не видит ли кто? – и, показав нахалу язык: «Бе-бе-бе!», – скрылась за кипарисами.

– Маленьких обижать? – Катенька, шутя, взяла брата за ухо.

– Ой! – в комическом ужасе сморщился тот. – Не буду больше, вот крест святой, не буду! Пустите, ваше деепричастие!

Катенька отпустила великокняжеское ухо. Вдохнула о детских ушедших годах. Подумала: а ведь наверняка и братец, и сестрица именно себя полагают сейчас самыми несчастными... Эгоисты! Как смешны их жалкие несчастья!

– Так ты переговоришь с папá?

– Обещал ведь...

Обещанный разговор, однако, не состоялся. Не потому, что великий князь Дмитрий нарушил слово – просто в разговоре о двух миллионах внезапно исчезла надобность.

Из Ялты карьером примчался жандармский ротмистр, привез объемистый пакет. По его получении государь Константин Александрович не вышел на послеобеденную прогулку и покинул кабинет только к ужину. Легкая улыбка на лице государя была сразу же замечена всеми.

– За Лопухина! – неожиданно провозгласил он, подняв бокал «Белого муската красного камня», и не отказал себе в удовольствии смутить пристальным взглядом вспыхнувшую Катеньку. – Вывернулся-таки статский советник! Сутгоф пишет: возглавил подземный бунт в шахтах Шпицбергена, перебил со товарищи невесть сколько пиратов, захватил судно и теперь надеется перенять «Победослав» у Сандвичевых островов. Молодец! Ну да я всегда в него верил...

Ужин прошел превесело. Император поел с аппетитом, много шутил и, рассказав в общих чертах о бунте рабов в угольной преисподней, поднял еще один бокал за счастливое вызволение русских людей из пиратской неволи. Лишь очень опытный наблюдатель мог бы заметить, и то если бы приглядывался специально: государя Константина Александровича что-то тревожит.

Таким наблюдателем оказался великий князь Дмитрий. Катеньке было не до того – сладить бы с бурей переживаний в душе! Но у Мити в душе не штормило.

– Бьюсь об заклад, твой любезный Лопухин выкинул еще какую-то штуку, – сообщил он сестре по окончании ужина.

Внизу в темноте море грызло гальку. Можно было подумать, что оно и впрямь «хрипя, поворачивалось на оси, подобное колесу», как сказанул один провинциальный пиит, насмешив до колик всю Академию изящной словесности. Южная ночь пала на землю и море сразу, не чинясь и не примериваясь. Во дворце слуги зажигали газовые рожки. Потрясающая красота звездного неба завораживала всех, кому не лень смотреть на то, что не приносит дохода. Слева проявилось слабое зарево огней Ялты. Прямо из моря вставало еще одно зарево – возшло созвездие Стрельца, купающееся в звездном тумане. С жужжанием налетел припозднившийся крупный жук, рикошетом отскочил от полей шляпки Катеньки и унесся куда-то.

– Почему ты думаешь, что он еще что-то выкинул? – шепотом спросила великая княжна, делая вид, что любит морем и небом. Предосторожность не лишняя: десятью ступеньками выше почтительно замерли статс-дама Головина и одна из фрейлин.

– Спустимся ниже, – предложил Дмитрий тоже шепотом. – Возьми меня под руку, не то задашь доктору работы... Осторожно, тут где-то ступенька с щербиной...

По мере того как исчезал запах кипарисов и высаженных на клумбах роз, все острее пахло йодом. Внизу можно было говорить свободно – шум моря надежно заглушал слова.

– Ты не простудишься?

Катенька лишь мотнула головой в нетерпении – какая уж тут простуда, ты не тяни, ты говори скорей!

– Так что ты хотела узнать? Почему я думаю, что Лопухин еще что-то выкинул?

– Да.

– Потому что он такой. Не знаю, что он придумал, но чувствую: непременно что-то придумал. На свой страх и риск.

– Что он мог выкинуть, как ты думаешь? – с сильно бьющимся сердцем спросила Катенька.

– Господи, да я-то откуда знаю? Думаю, что и папá не знает. Полагаю, впрочем, что какова бы ни была его авантюра, вреда от нее не будет. У твоего предмета в голове что угодно, только не хлопчатая бумага. Держу пари, скоро мы все узнаем.

– Каким образом?

– Из газет. А о чем не узнаем, о том догадаемся. Хотя дело тут такое, что догадываться, пожалуй, и вредно... Честное слово, этот человек в моем вкусе. Буду просить папá, чтобы он командировал Лопухина ко мне во Владивосток на год-два.

Екатерина Константиновна вздрогнула от неожиданности.

– Для чего он тебе?

– Распутывать интриги, разрубать гордые узлы... да мало ли! Толком не объясню, но чую: пригодится. Большую пользу может принести в умелых руках.

– Ты говоришь о человеке, как о вещи! – сердито перебила брата сестра.

Укол не достиг цели.

– Ну конечно! – с обезоруживающим простодушием отозвался Митенька. – Ты знаешь, я увлекаюсь техникой... В сущности, искусство управлять людьми есть не что иное, как умение толково применять инструменты и материалы. Наверное, можно забить гвоздь двуручной пилой, но к чему мучить себя и инструмент? Всякой вещи свое дело, и всякому человеку тоже.

– А если под рукой серная кислота?

– Так и залить ее в лейденскую банку, а не в карман! А коли в карман, то не себе, а недругу! Большинство людей, увы, лишь материал, но изредка попадаются удивительные инструменты!

Великая княжна сердито фыркнула.

– Ну и каким же инструментом, по-твоему, является... он?

– О, тут особый случай! Лопухин в некотором смысле вещь в себе. В данной аналогии он скорее умный станок универсального назначения, какие еще не созданы, но будут, будут... Представь себе станок, который может исправить ошибку мастерового, а!

– Да ты, братец, фантазер! – саркастически заметила Екатерина Константиновна. – К чему мастеровой при таком-то станке?

– Ну... общие задачи ставить.

– Обленится твой мастеровой при таком инструменте и сопьется. Вот еще выдумал! Человек ему инструмент! Низко и безбожно это, Митя!

Екатерина Константиновна спорила с братом, а в голове у нее – шелк! шелк! – словно бы запирались на невидимые замочки ящики бюро, приняв в себя факты. Первый факт: любимый жив и на свободе! Второй факт: надобность в выкупе исчезла, и больше незачем торговать собой за два миллиона. Крылья вроде бы расправлены, но третий факт – ненавистная перспектива брака с Саксен-Кобургом – не становится от того менее реальной. Папá не оставит эту затею, хоть слезами умойся. А значит...

Безумная мысль испугала Катеньку. Если сложившаяся в игре ситуация не дает ни малейшего шанса выиграть, остается лишь проиграть... либо... либо...

Либо изменить правила игры.

Много лет назад Митя учил сестру играть в шахматы. Сильный игрок, сумевший однажды свести вничью партию с самим господином Ботвинкиным, великий князь попросту издевался над неумелыми попытками Катеньки не сесть в лужу. Коварные «вилки» следовали одна за другой, беспощадная «мельница» перемалывала тяжелые и легкие фигуры, сдвоенные ладьи били стенобитным тараном, ничтожные пешки тихой сапой подбирались к последней горизонтали, норовя обернуться ферзями... Натешившись вдоволь, Митя ставил мат – всегда красивый и всегда обидный до чрезвычайности. Однажды Катенька не выдержала. Хо-да за

три до неизбежного мата она поднесла согнутый пальчик к пешке, хорошенько прицелилась и, метко щелкнув ноготком, сбила с доски неприятельского короля. Братец бурно возмущался и объявил себя победителем, несмотря ни на что. В шахматной партии – может быть, он и победил. Ну а по сути?..

– Ты вся дрожишь, – заметил Митенька. – Зябко. И спать пора.

Великой княжне не было зябко – жарко ей было, и дрожала она вовсе не от холода. Однако разубеждать брата Екатерина Константиновна не стала.

В спальне идея немедленно начала оформляться в замысел. Катенька насилу дождалась, когда камер-метхен пожелает ей спокойной ночи и удалится. Вот копуша!

Итак. Папá, по-видимому, хочет насолить чванным немцам, заключив династический союз с бельгийским королевским домом. Ни мольбы, ни слезы приняты во внимание не будут. Ничего не предпринимать означает через полгода-год сделаться женой Франца-Леопольда с той же неизбежностью, с какой плывущая по течению лодка без весел достигает бровки водопада и рушится вниз.

«Дудки!» – сердито подумала Екатерина Константиновна.

Но что из этого следует?

Главное: что делать? Делать-то что?!

Только одно: пора выгрести из течения. Прочь из Ливадии! Бежать! Пусть тайно. Пусть разразится грандиозный скандал. Тем лучше! Говорят, Саксен-Кобурги чопорны до предела и превыше всего ставят внешнюю благопристойность. Прелестно! Если влюбленный дурак Франц-Леопольд не откажется по собственному почину от запятнавшей себя невесты, то его принудят к тому его бельгийские маменька с папенькой!

Но куда бежать?

Что за вопрос? Конечно же, к НЕМУ. Во Владивосток, а то и в саму Японию. Папá упрям, но он увидит, что его дочь упрямее. Она не выбирала, в какой семье родиться, и насильно навязанные ей великокняжеские путы не имеют для нее никакого значения! Она современная девушка с созвучными эпохе идеями, а не марионетка и не товар.

Завтра же бежать!..

Откинув тощее одеяло, великая княжна вскочила с постели и сейчас же зашибла мизинец левой ноги о гнутую ножку туалетного столика. Боль была такая, что Катенька едва не завизжала на весь дворец. Пришлось заткнуть рот обеими руками. Покатились слезы. Нет, ну это уже никуда не годится!.. Хороша, нечего сказать! Ну зачем вскочила? Разве собиралась выпрыгнуть в окно в ночной рубашке и убежать к любимому? Нет ведь. То есть с радостью, но не всякое расстояние пробежишь, тем более по морю аки посуху...

Боль ушла. Наклонившись, Катенька оцупала мизинец – кажется, не сломан, а только ушиблен – и вернулась в постель, досадуя на себя и посмеиваясь над своим порывом. «Как угорелая кошка», – правильно написал господин драматург Крохаль. А надо не так. Выбросить из головы мысль насчет завтра и готовиться. Кто хочет сбежать из темницы, тот должен тщательно продумать каждый шаг. Для великой княжны Ливадия – комфортная темница, золотая клетка. Любое движение на виду. Исчезнешь – через четверть часа хватятся, а еще через час деликатно, но твердо задержат и доставят к папá. Нет, надо придумать что-нибудь позамысловатее выдумок господ романистов...

За окнами дворца уже розовел рассвет, когда Катенька придумала. Тогда она улыбнулась, закрыла глаза и сразу погрузилась в сон. Пребывать в ажитации, когда все уже решено, было не в ее характере. Придумано – делай. Шаг за шагом.

И не отступай до самого конца.

«Победослав» застрял на Азорах не на две недели, как оптимистически предполагали офицеры, а на все три с половиной. По совести говоря, и этого-то времени с трудом хватило

на ремонт корпуса, снастей и машин. Пришлось отказаться от мысли поставить корвет в док – пророчество насчет очереди на доковый ремонт оказалось верным. Ремонтировались в порту у стенки.

То и дело случались проволочки. Бывшие португальские, а ныне испанские чиновники, приторно улыбаясь, намекали на мзду сверх платы за любую услугу, даже самую незначительную, и доводили старшего офицера до белого каления. Враницкий свирепел и жаловался Пыхачеву. Командир вздыхал, призывал к терпению и, повздыхав, выдавал несколько ассигнаций из экстраординарных сумм.

– Уж уладьте это дело как-нибудь побыстрее, голубчик. Не деньги – время дорого.

– Да ведь они из нас просто кровь сосут, Леонтий Порфирьевич! Не люди – клопы!

– Будто бы?

– Видели бы вы их рожи! Давеча едва сдержался, чтобы не смазать кое-кого по зубам. Метисы, нечистая кровь, без родины, без совести... Как только бог терпит такую сволочь?

– Вы хотите что-то предложить, Павел Васильевич?

– Да. Письмо губернатору. В конце концов, у нас на борту особа императорской фамилии, более того – цесаревич! Надо потребовать. Противодействию нашему ремонту можно придать политическую окраску. Право слово, напишите, а я берусь доставить.

– Подействует ли? Вы же сами мне жаловались давеча: за строевой лес испанцы дерут втридорога, потому что продают его помимо казны. Расписок не берут – подавай им наличные. Ну напустится губернатор на поставщиков, так лес и вовсе пропадет. Нету, мол, леса, и не ждите – не будет. А на нет и суда нет.

– Строевой лес в потребном количестве мы уже получили, Леонтий Порфирьевич...

– Да разве нам нужен только лес?.. Ну хорошо, я напишу губернатору...

С письмом, однако, поехал Розен. Враницкий не возражал – понимал, что полковник Генерального штаба весит поболее капитан-лейтенанта, да и искушен достаточно. В глубине души старший офицер был даже счастлив, что не ему, а Розену придется напирать на факт присутствия цесаревича, который, если быть точным, чаще присутствует не на борту, а в кабаках Понта-Дельгада. Ничего, Розену стыд глаза не выест. Наоборот, полковник сам смутит кого угодно своим жутким шрамом поперек лица и непререкаемым тоном...

Из дворца губернатора Розен вернулся обнадеженный, но ремонт продвигался по-прежнему медленно.

– Вы понимаете, господа, что будет, если мы не поспеем в Йокогаму к середине августа? – насупившись, спрашивал Пыхачев у офицеров.

В ответ по-прежнему сыпались жалобы на чиновный произвол.

– Это оттого, господа, что у испанцев все централизованно, – объяснял бывалый капитан-лейтенант Батеньков. – В порту любой другой страны мы легко столковались бы с частным поставщиком, а здесь не могли. Только через портовые власти, таково предписание испанского правительства. На каждый гвоздь – бумажка с печатью. Вроде и цены невеликие, а ничего не достать.

– В итоге достанем за те же деньги, что в Германии или Дании, а времени потеряем вдвое больше, – подал голос Батеньков.

– Эва! Уже потеряли!

И все же дело двигалось. Наступил день, когда смолк частый перестук молотков в трюме – порушенные на топливо переборки были восстановлены. Еще раньше удалось привести в порядок рангоут. Команда, действующая под началом судового плотника, наконец-то избавила корвет от течи. С берега везли канаты, парусину, пробковые матросские койки, смазочное масло, уголь, провизию... Кают-компания получила новую мебель, да и в своих каютах офицеры больше не спали на полу. Мало кто жалел об утерянном великолепии несостоявшейся

императорской яхты. По мнению Враницкого, корвет только выиграл от замены резных завитушек и шелковых обоев на суровую простоту новой отделки.

Потеря Лопухина отозвалась еще одной головной болью Пыхачева, положительно не знающего, что делать с цесаревичем. Его императорское высочество Михаил Константинович, едва сойдя на берег, вознаграждал себя за долгое говение тем, что немедленно напился по-свински, и с тех пор ни разу не был замечен во вменяемом состоянии. Компанию ему составляли поочередно Корнилович и Свистунов. С ними цесаревич слонялся по кабакам, на их деньги пил, и не было возможности подвергнуть мичманов дисциплинарному взысканию – по службе оба были безупречны. Вызванный к командиру Розен заявил, что его дело – охрана цесаревича, а не его воспитание. Отряжать морских пехотинцев для охраны наследника престола и для доставки его на борт – сколько угодно. Но не более того.

– Если его императорскому высочеству проломают голову в кабаке, я пойду под суд, – резонно говорил полковник. – Но его печень и тем более рассудок не по моей части – с этим к доктору Аврамову.

– Но как же... э-э... некоторым образом... нравственность его императорского высочества?

– А с этим – к батюшке!

Пыхачев лишь разводил руками, вздыхал тяжело и ругал про себя Лопухина, выброшенного взрывной волной за борт и почти наверное погибшего. Спихватываясь, каперанг осенял себя крестным знаменем, шептал молитвы и не представлял, что делать с цесаревичем. Верно говорят в народе: горбатого могила исправит. Терпел-терпел гомеопатические дозы, едва чело-веком не сделался – и нате, дорвался! Мадеру хлещет. Мадеры здесь что воды...

Днем солнце жарило так, что из свежих досок выступала янтарная смола, а к металлическим частям было не притронуться. Нестерпимо сверкала рябь на воде, и тонули в жарком мареве встающие из океана горы, городок с развалинами древней цитадели, монастырями, колокольнями, черепичными крышами, пальмами, осликами и мулами, овечьими выгонами на окраинах, харчевнями и веселыми домами, мулатками, разгуливающими по пирсу, не то чтобы покачивая, а прямо-таки неистово вращая бедрами... Ночами ветерок с берега приносил редкой соблазнительности запахи, кружащие голову любого северянина. Все было в этих запахах: благословенный край под невероятной глубины небом, фрукты и нега, вино и женщины. Вышел матрос на бак, потянул носом, да и ослаб в ногах, закатив глаза. Сказочный, манящий, сводящий с ума мир!

Напустив на себя мрачность, сменившийся с вахты Фаленберг проговорил в кают-компании, не обращаясь ни к кому:

– Матросы предаются недисциплинированным фантазиям.

– Увеличить им, подлецам, рабочий день до шестнадцати часов, – как бы про себя проговорил Враницкий, скосив, однако, глаза на командира. – Либеральничаем. Подвахтенных жалеем. Что ни день, то треть команды на берегу.

Пыхачев только крикнул.

– Да хоть до восемнадцати часов! – храбро вступился за командира Канчелялов. – Свинья грязи найдет. На берегу вино дешевое и шлюх полно. Пороть жеребцов – не поможет, а не отпускать на берег – совсем озвереют. Жди тогда неприятностей.

– Ну-ну, – Враницкий иронически поднял бровь. – Что же тогда присоветуете?

– Одно средство: скорее в море. Нельзя моряку на суше. Тут из него вся дрянь наружу лезет.

Тизенгаузен проворчал, что во флотском экипаже небось не лезет и что суша суше рознь, но за очевидностью этой мысли не был поддержан.

Все осталось по-прежнему.

Пыхачев вздыхал и молился. Враницкий наблюдал за ремонтом и изобретал наказания для чересчур загулявших на берегу матросов. Канчев ходил по книжным лавкам, надеясь хоть чем-нибудь пополнить судовую библиотеку, платил из своего жалованья и особенно обрадовался путевым заметкам о Японии. Увы, книга оказалась на португальском языке, и к ней пришлось докупить два словаря – португальско-испанский и испано-русский. Лейтенант Гжатский съездил в город лишь однажды, остался недоволен отсутствием плашек три восьмых дюйма и неожиданно увлекся фотографией. С собой на корвет он привез пребольшей фотографический аппарат магазинной конструкции на двенадцать снимков без перезарядки, деревянную треногу, кучу химикатов в склянках и два ящика светочувствительных пластинок для дагерротипии.

Розен муштровал своих морпехов и даже обратился к губернатору с просьбой выделить безлюдный участок побережья для учений по высадке десанта. Получив категорический отказ, угрюмо молчал под беззлые смешки офицеров корвета.

– Боятся они нас, господин полковник. А ну как ваши маневры – лишь репетиция будущего вторжения?

– Вот именно. Англия уже пощипала Испанию на предмет колоний, а испанского береженного святой Яго бережет.

– Полно, при чем тут репетиция? Нашей полуроты вполне хватит, чтобы овладеть этим островом. Остальные острова сами сдадутся, ха-ха. Даже с радостью. Португальцам испанское владычество, кажется, не очень-то по нутру.

– Прошу прекратить, господа! – сердился Пыхачев. – Помните, что Испания – дружественная нам держава. Ваши шутки неуместны. Берите пример с лейтенанта Канчева, изучайте Японию. Хороши мы будем, если попадем впросак из-за незнания туземных обычаев!

– Лучше попросим лейтенанта сделать доклад, когда он все переведет. Зачем многим делать то, что способен сделать один?

– Эх, господа, господа...

– А я вот о чем подумал: отчего никого из нас не проинструктировали касательно Японии? Страна экзотическая, а у нас о ней одни слухи и сплетни. Стыдно-с.

– На «Чухонце» шел лейтенант Ентальцов, – вспомнил мичман Завалишин. – Он чуть ли не год жил в Нагасаки.

– Так то на «Чухонце»! Вечная ему память...

– Н-да-с...

– Смотрите, господа, что за посудина входит в бухту? – заволновался лейтенант Фаленберг. – Никак англичанин?

Кое-кто присвистнул в удивлении, взглянув в иллюминатор, и кают-компания вмиг опустела. Через полминуты вся оптика на верхней палубе была направлена в сторону новоприбывшего судна.

– Что-то новенькое, господа...

– Точно, англичанин!

– Корпус длинный, а мачт всего две. Да и те какие-то неубедительные...

– Зато три трубы. Вот куда бы я заглянул, так это в их машинное отделение...

– Мощная машина, не спорю. Но вы пушки посчитайте!

– Десять дальнобойных шестидюймовок, если я хоть что-нибудь в этом понимаю...

– И трехдюймовок не меньше. Причем заметьте – казематное размещение, бронированные спонсоны...

– Серьезный противник!

– Ну, с нашими восьмидюймовками им не тягаться!

– Как сказать. С их ходом дистанцию боя будут диктовать они, а не мы. Вспомните бой с исландцами: часто ли мы добивались попаданий с предельной дистанции?

- Прочтите кто-нибудь название, господи, а то я по-английски ни в зуб ногой...
- «Сerpент», по-русски говоря – «Змей». А ведь в точку: длинный, как гадюка.
- Быстро ходит, да сразу переломится, как на камнях выскочит...
- Это крейсер, господи, – сказал Враницкий, отнимая от глаз бинокль. – Новый тип боевого корабля, созданный для нужд колониальной империи. Очень быстроходный, хорошо вооруженный, но слабо бронированный. Предполагается, что у диких племен пушек нет, а от серьезного европейского корабля он в два счета удерет, если увидит, что добыча ему не по зубам.
- А Китай?
- Ну какие там пушки! Голландское старье. С канонерками колониальных флотов европейских держав крейсер также расправится играючи. Вот вам пример козырной шестерки, которая бьет туза. Охранять колонии ни у одной державы броненосцев не хватит.
- Стало быть, колониальные державы вскоре начнут строить корабли того же типа? – осведомился догадливый мичман Тизенгаузен.
- Несомненно. И Россия тоже. Я слышал, кое-что уже заложено. Но англичане успели первыми. Интересно было бы узнать, сколько крейсеров они намерены построить...
- Восемнадцать только этой серии, – ответил Розен, продолжая изучать вероятного противника в мощный бинокль. – Последний сойдет со стапелей в Борнмуте через три года.
- Однако! Откуда вы только все знаете... Ах, ну да, конечно, Генеральный штаб...
- Вот именно.
- А я, господи, боюсь не грядущих баталий, а сегодняшней, и не на море, а на суше, – задумчиво проговорил Батеньков. – Не отменить ли увольнительные на берег, Леонтий Порфирьевич?
- Хорошая мысль! – поддержал Враницкий.
- Господи, господи! – запротестовал каперанг. – Давайте не думать о людях плохо. Русский матрос без причины в драку не лезет. Вы, Павел Васильевич, накажите буянов превентивно, а всю команду перед дальним походом озлоблять не следует. Дня через три с божьей помощью выйдем в море. И скажите мне наконец, где его императорское высочество?
- Там же, где обычно. При нем Корнилович.
- Хоть кто-то. А Свистунов?
- Храпит у себя в каюте. Явился пьян, но к вахте проспится. Он всегда так.
- Черт знает, что у него за организм... Господин полковник, я вас прошу... постарайтесь, голубчик, чтобы цесаревич заночевал сегодня на корвете. Так будет лучше.
- Розен не удержался от гримасы. За утратой Лопухина быть нянькой при сумасбродном цесаревиче приходилось все-таки ему.

Местная публика, фланирующая на закате вдоль шеренг молодых пальм, высаженных с тщеславным умыслом превратить узенькие и кривенькие улочки Понта-Дельгада в подобие парижских бульваров, обращала внимание на внушительную процессию. Впереди размашисто вышагивал офицер в черном мундире русской морской пехоты. Лицо его, вероятно некогда красивое своеобразной жесткой красотой, было изуродовано косым сабельным шрамом. Рядом с ним, отставая на полшага, торопясь и то и дело смешно подпрыгивая, семенил пожилой господин, одетый столь безукоризненно, что в отношении его личности никто не усомнился бы: слуга, но слуга значительнейшей персоны. Тем не менее местные щеголи, а равно и смуглые дамы в непеременных мантильях, вышедшие в этот час насладиться вечерней прохладой да и себя показать, кланялись дворецкому Карпу Карповичу едва ли не охотнее, чем Розену, – успели вызнать, кто его господин.

Вслед за примечательной парочкой топал сапогами полувзвод морских пехотинцев в чересчур теплых по азорскому климату черных бушлатах. Удивительнее всего, что два послед-

них в колонне морпеха несли свернутые брезентовые носилки. Для какой надобности – неизвестно. Нашлись, впрочем, догадливые, сразу заявившие, что процессия направляется не иначе как к заведению мадам Генриетты. И были совершенно правы.

Где же еще искать русского инфанта, как не в лучшем городском борделе? Ведь не в убогих же портовых клоповниках, окутанных чадом жарящейся рыбы и подгоревших бобов из близлежащих харчевен! Не там, где проститутки ленятся лишний раз помыться и предлагают себя, дыша на клиента такой смесью вина и чеснока, что береги только нос! Ни в коем случае не там, где от заката солнца до восхода дым стоит коромыслом, где в игорных притонах с размаху шлепаются на липкие столы засаленные карты и громяхают в стаканчике «хитрые» кости, где среди ночи можно увидеть, как подозрительные субъекты, закутанные в плащи до самых глаз, являются неведомо откуда и исчезают бесследно в темных подворотнях, где прямо на улице среди рыбьих объедков и нечистот валяются пьяные и обкурившиеся, а прямо по ним с визгом несется полуодетая раскрашенная девка, преследуемая субъектом дегенеративной наружности с двухфутовым тесаком в волосатой руке... Конечно, нет! Русский инфант тоже мужчина, но в этот рассадник грязи и порока не заглянет ни за что.

Выше в гору и дальше от порта есть заведения почище, где в подражание старому Истанбулу, который теперь вновь Константинополь, жрицы любви лежат прямо в витринах на почти чистых подушках, курят кальяны и пьют кофей из крохотных чашечек. Это то, что британцы называют «эконом-класс». Моряк с несколькими реалами в кармане, будь то офицер или даже простой матрос, может здесь вознаградить себя за все морские лишения, не сильно опасаясь быть опоенным, ограбленным, зарезанным да еще подцепить дурную болезнь в придачу. Но и в этих кварталах русскому инфанту нечего делать.

Еще выше – еще лучше. По узким, но уже опрятным улочкам гуляет чистая публика, смуглые дамы в старомодных нарядах бросают на кавалеров томные взгляды, играет механическое пианино в универсальном магазине братьев Торрерос, потеют в смокингах местные щеголи с набриолиненными сверх всякой меры проборами, надтреснуто дребезжит колокол католического храма. Прилично, чинно. Если и попадется веселый дом, то можно побиться об заклад, что прислуга в нем вышколена, шампанское подается настоящее, хозяйка любезна, по стенам не маршируют легионы тараканов невероятной величины, а громоздкий вышибала справляется со своей работой решительно, но деликатно, никого понапрасну не калеча.

Среди них заведение мадам Генриетты – это о!.. Нет, не так: это большое О! По местным скромным меркам, естественно, однако можно ручаться, что лучшего заведения с вином и девочками в Понта-Дельгада не существует. Если русский инфант может позволить себе известные вольности, то только здесь.

Так полагали горожане, плохо знающие цесаревича, и не ошиблись только случайно. Вот пример верных выводов, сделанных из неверных умозаключений! Теоретически Михаил Константинович мог находиться в любом месте, не исключая и кучи рыбьих объедков. Во второй половине ночи – сколько угодно! Но ранним вечером искать его следовало все же у мадам Генриетты.

Вопреки ожиданиям решительно настроенного Розена, вызволение наследника из дворца разврата не составило большого затруднения. Наиболее неприятные минуты пережил дюжий охранник, вознамерившийся было не пустить внутрь всю процессию целиком, но и он отделался пустяками. Велика важность – поддержали немножко за горло! Отпустили ведь, не дав задохнуться, ну и не пеняй, а спиши на издержки профессии.

Мадам Генриетта – никакая не француженка, а типичная португалка с изрядной дозой мавританской крови – была не из тех, кого можно напугать страшным шрамом поперек лица. Уразумев, что явились не клиенты, она оставила воркующий тон и перешла на деловой. Да, господа, здесь двое русских, вам обоих? Только одного? Но кто заплатит? За последние три дня господин Мигель не заплатил ни реала, а между тем перепробовал всех сеньорит, выпил

невероятное количество рома и мадеры и учинил два безобразных скандала, из-за которых ей, хозяйке приличного заведения, пришлось улаживать отношения с полицией. Господин офицер знает, сколько нынче стоит уладить отношения с полицией? Быть может, господин офицер желает оплатить счет?

Преппирательство вышло коротким. Розен не пожелал оплатить счет. Розен пожелал немедленно забрать «господина Мигеля». Мадам заупрямилась. Розен настаивал. Мадам делала вид, что собирается послать за полицией. Розен с усмешкой показал взглядом на морпехов. Мадам сдалась.

Тем более, что у нее оставался еще мичман Корнилович, уединившийся с какой-то мадемуазелью Изабеллой. Выручать его Розен не собирался. Пусть платит.

Мертвецки пьяного цесаревича, обнаруженного в одной из верхних комнат, положили на носилки и прикрыли бушлатом. Что бы ни болтали обыватели Понта-Дельгада, потом всегда можно все отрицать. Какой инфант Мигель? Где вы его видели? Русского матроса скрючило от вашей паршивой еды, да так, что пришлось транспортировать его на носилках. Вот что вы видели. Ваши выдумки были бы смешны, не будь они оскорбительны!

И предприятие завершилось бы полным успехом, не ведем ли дорога к «Победославу» через местный «эконом-класс». Чуть раньше – тоже обошлось бы. Но не в этом месте и не в этот час.

Причина была проста: подвыпившие русские матросы с «Победослава» уже успели повстречаться с подвыпившими английскими матросами с «Серпента».

Надменных британцев по пьяному делу лупят, как известно, во всех портах мира – чтобы просвещенные мореплаватели не слишком задирали свои британские носы. Битье ничуть не помогает, и к тому же англичане, большие мастера бокса, умеют давать сдачи. Но один англичанин против одного русского – совсем не то, что пятьдесят англичан против пятидесяти русских. И даже не то, что пятьдесят против тридцати, – перед русской кулачной стенкой, как будто специально придуманной для уличных драк, в коих фланги прикрыты строениями, а фронт похож на молотилку, спасует кто угодно.

Впоследствии так и не выяснили, кто первый начал потасовку, да, говоря по чести, и не очень-то старались докопаться до истины. Английского капитана, явившегося на борт «Победослава» с протестом, приняли холодно-вежливо и протест отклонили. Общее мнение офицеров высказал Канчелялов: «Наши люди в своем праве. Не подличай – не будешь бит».

О том, что подличают одни, а выбивают зубы другим, как-то не подумалось. Сын Альбиона? Этого достаточно. Еще свежи были в памяти подробности боя с пиратской эскадрой. Кто науськал исландцев? Из-за кого потонул «Чухонец»? Чьи уши торчат? Ну то-то же.

Начавшись, как всегда, пустячной стычкой, драка в три минуты переросла в великое побоище. Подобно птицам, в воздухе запорхали бутылки и стулья из летних кафе. Со звоном посыпались засиженные мухами стекла витрин, с противным визгом кинулись прочь жрицы любви по-истанбульски. Немногочисленная полиция разумно предпочла ретироваться, дабы не попасть под горячую руку...

Кулак против кулака. По-простому. Без чинов. Не того ли вечно жаждет матросская душа, запертая, как птица, в клетку жесткой корабельной дисциплины? И страшно, и опасно вырваться из клетки, но была не была! Краток миг абсолютной человеческой свободы – пользуйся!

И много-много лет спустя какой-нибудь сгорбленный, седой и плешивый ветеран той великой битвы, поддавшись на уговоры внуков, крикнет, потребует набить ему трубочку, поднесет уголек, глубоко затянется дымом и пойдет, пойдет рассказывать, озорно улыбаясь и молодея с каждым словом:

– Шрам видите? Это меня в сражении с пиратами приголубило, когда служил я на конверте «Победослав». А вот энтот, на голове – уже послы, в драке. Англичанский унтер меня пивной кружкой приласкал в городе Понта-Дельгада, что на острове Сан-Мигель – святой

Михаил по-нашему. Стоит этот остров посреди океана, и зимы там не бывает. Нас в тот день на берег отпустили. Ну, выбегаю я это, значит, из... словом, выбегаю откуда надо, а на улице уже Мамаево побоище и Вахрамеева ночь. Тут насккивает на меня энтот унтер, да кружкой с размаху по голове. Я тогда молодой был, крепкий, так что сомлел не надолго. Очнулся, гляжу – баталия еще только начинается. «Бей англичашек!» – кричу – и в свалку. Гля – начальство тут же кулаками машет. Боцман Зорич. Ну, к энтоту под кулак не суйся, энтот за двоих работает... Долго ли, коротко ли – погнали мы супротивника. Бегут англичане стадом, будто овцы, ругаются по-своему да зубы на ходу выплевывают, а мы за ними. Озлились, не отстаем. А тут – смех и грех – его высокоблагородие полковник Розен со своими морскими пехотинцами... Не любили мы их, потому как до судовых работ они не охочие, хотя, правду сказать, вояки что надо... А с ними – носилки, бушлатом покрытые. А под бушлатом – тс-с-с! – сам великий князь Михаил Константинович лежит, лыка не вяжет. Его в таком виде морпехи на конверт несли, потому что иначе доставить было невозможно... Вот на них-то мы, сами того не желая, англичашек и выгнали...

Вот так-то. Дальше – больше... Куда англичашкам деваться? Некуда. Но – храбрые ребята. Которые против нас вдругорядь повернулись – отбиваться, а которые вперед поперли, прямо на морпехов. Те – волей-неволей – тоже в кулаки. Носилки с великим князем на мостовую уронили. Полковник кричит, пытается вразумить тех и этих, остановить бесчинство, да разве ж остановишь? Ку-уда там! Плюнул его высокоблагородие, сам кого-то по уху смазал. Его императорское высочество великий князь из-под бушлата выбрался, сам из себя весь опухший, шатается, как старый плетень на ветру, глаза в кучку, а туда же – биться. «Спасай Сенегамбию!» – кричит. Попало ему – покатылся. Но разделили мы супостата под орех! Сколько годов прошло, а всё приятно... Кхе... Набей-ка мне еще трубочку...

Чего? Что дальше было?... Ты знай набивай туже. Вот этак большим пальцем прижми. А дальше... Да что дальше? С того дня никого из наших на берег не отпускали, вот что было дальше. Больше никак не наказали, а на берег – ни ногой. Пораненных, меня в том числе, доктор поправил. А через двое суток снялись мы и пошли на вост прямо через океан. Так-то. Но с морпехами мы с тех пор враждовать перестали. Кое-кто из наших рому припас, ну и выпили мы втихаря от нашего и ихнего начальства за содружество родов войск. Можно сказать, побратались. Господам офицерам следить за нами было недосуг – они у себя в кают-компанин тоже пили. Только вахтенный начальник нет-нет да и высунет нос – все ли в порядке? – и сразу нырь обратно. Хохот оттуда. Новый вестовой командира – свойский парень – рассказывал, что пили они в честь участия наследника престола в народной дипломатии, уж не знаю, что это такое...

И оченно при том веселились.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой ротмистр Недогреев идет по следу

Должность Фаддея Евлампиевича Недогреева называлась длинно: начальник Ялтинского уездного отделения Крымского губернского управления Отдельного корпуса жандармов. В этой должности Фаддей Евлампиевич служил всего год и поначалу рассматривал ее как удобный трамплин для карьерного взлета. Ну ладно, пусть не рывка умопомрачительной скорости, доступного только истинным баловням судьбы, но уж равномерного нечерепашьего продвижения по службе – наверняка. С течением времени, однако, выяснилось: несмотря на близость летней резиденции государя и имений великих князей, никаких особенных преимуществ эта должность не дает. Попыток покушения на царствующую особу не выявлялось, политический сыск приносил самые ничтожные результаты, ибо трудно сыскать то, чего нет, а сам факт порядка и спокойствия во вверенном уезде рассматривается как нечто само собой разумеющееся. Всегда так получается, что на виду оказываются восстановители нарушенного порядка, а не его блюстители! Обидно!

Дослужившись до ротмистра, Фаддей Евлампиевич не без оснований полагал, что теперь надолго застрянет в восьмом классном чине. Мечталось, однако, о большем. А кому не мечтается?

Пустые это мечты или не пустые – вот в чем вопрос. Если не пустые, то надо искать способы и средства к их осуществлению. Но как быть, ежели ничего путного изыскать не удастся? Неужели придется признать, что ошибся, срезался, как гимназист, часть жизни потратил зря?

И теперь ротмистр Недогреев пребывал в некотором унынии: стоило ли менять армейскую карьеру на жандармскую?

Блистательно провалив в свое время экзамен по географии на приемных испытаниях в Академию Генерального штаба (всего-то навсего упомянул Томск в числе пристаней на Оби!), пехотный поручик Недогреев подал прошение о зачислении на курсы подготовки жандармов. Тут вышла закавыка: из пяти требований к кандидатам Фаддей Евлампиевич соответствовал лишь четырем. Пусть он окончил юнкерское училище по первому разряду и тянул армейскую лямку свыше требуемых шести лет, пусть он не был католиком и не имел долгов – без потомственного дворянства о зачислении на возжеланные курсы оставалось только мечтать.

Пришлось ждать и мучиться вопросом: а ну как папенька у себя в Тамбове не получит к отставке чин действительного статского советника? Прощай тогда потомственное дворянство. Жди, пока сам дослужишься до полковника. Еще дослужишься ли, а если да, то будешь ли к тому возрасту еще на что-то годен?

С папенькой обошлось. С курсами тоже. И что же в итоге? Прослужив несколько лет в сонной Вятке, несколько месяцев в шумном Харькове и год в пыльном Симферополе, сумев отличиться в деле о студенческих кружках, дослужившись до ротмистра, Фаддей Евлампиевич как нарочно попал туда, где ничего не происходит. Городишко неплохой, но созданный для неги, а не для работы. Редко-редко заедет какой-нибудь уж совсем глупый пропагандист. Ни покушений, ни антиправительственных заговоров, ни даже рабочего движения, поскольку тут и рабочих-то нет, кроме сезонных. Это трамплин?! Это место для старика, ждущего пенсии, а не для тридцативосьмилетнего честолюбца, полагающего, что не все еще в жизни потеряно!

*Deliberando saepe petit occasio*¹ – вспоминал он не лишенный ехидства афоризм древних римлян, но, перестав думать, оглядывался – и не видел случая.

¹ Часто от долгих раздумий пропадает случай (*лат.*).

Сонный покой. Скука. Сиди, считай мух и мечтай о великих делах... В Ялте Фаддей Евлампиевич приобрел некоторую дородность фигуры, отрастил приятные взгляду полубакенбарды и начал подумывать о женитьбе как последнем средстве не спиться и сохранить карьерные виды.

Этим летом только во время землетрясения и большой волны вышло беспокойство, да и то тягостно-сучное. Приказом свыше ялтинскую жандармерию бросили на помощь полиции, только и всего. Велик ли труд наблюдать за свозом утопленников в покойницкую, отгонять любопытных и протоколировать опознание? По специфически жандармской части – ничего. Ни массовых беспорядков, ни хотя бы прокламаций, злокозненно обвиняющих государственную власть в природном катаклизме.

Приходилось заниматься ерундой и изобретать для агентов задания одно нелепее другого. То и дело являлись с жалобами делегации от татар, никак не желающих понять, что Отделение не занимается ни землемерными делами, ни налоговыми, ни уголовными. Непонятно было, что делать с полоумным дьяконом Мефодием, не раз выкликавшим, к вящему соблазну верующих, что Земля-де стоит не на трех китах, а на шестнадцати, причем семь из них он будто бы видел лично. Ротмистр с удовольствием подержал бы фантазера с недельку в холодной ради прибавления ума, но благому сему намерению крепко мешала паства, видящая в дьяконе кто забавника, а кто блаженного; переписка же с церковными властями длилась уже не первый месяц безо всякого толку. Временами трещал телеграфный аппарат, в основном требуя усилить меры и повысить бдительность. Такие циркуляры получали все жандармские управления и все отделения на местах. Фаддей Евлампиевич знал, что к нему это не относится. Хотя ты вдесятеро повысь бдительность, хоть вовсе махни на все рукой и уйди к морю купаться – ровным счетом ничего в мироздании не изменится.

Впрочем, изредка поступали шифрованные телеграммы. По большей части они исходили от его высокопревосходительства генерала Сутгофа, начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. Иные были адресованы на высочайшее имя. В Ливадийском дворце имелся телеграфный аппарат, но шифровки шли через Ялту. По какой-то прихоти государь не держал при себе шифровальщика из Третьего отделения.

Тогда ротмистру Недогрееву казалось, что вот-вот что-то переменится. Шифровальщик, проверенный вдоль, поперек и насквозь, расшифровывал послание, и Фаддей Евлампиевич, заглянув в него ради любопытства, запечатывал депешу в конверт и отсылал в Ливадийский дворец с нарочным. Иногда посыльный жандарм возвращался с кратким ответом государя, обычно что-нибудь вроде: «Благодарю вас. Неизменно благосклонный к вам Константин». Только-то. Да и благосклонность монарха относилась к генералу Сутгофу.

Всего несколько дней назад его высокопревосходительство известил государя об успешном освобождении из плена графа Лопухина и выразил опасение касательно международных последствий этого освобождения. Речь шла о материях, ротмистру не известных. Графа Лопухина Фаддей Евлампиевич лично не знал, общих дел с ним не вел, о миссии графа в кругосветном путешествии цесаревича слышал краем уха, так что ничего не понял и разумно не стал ломать голову. Однако доставил депешу сам и зарубку – одну из многих – в памяти сделал.

Оказалось – не совсем напрасно.

Грянуло внезапно, как громом ударило. Из губернского жандармского управления в Симферополе пришла такая шифровка, что в первую минуту глаза Фаддея Евлампиевича полезли на лоб. А во вторую минуту он понял: вот он, случай. Не выжать из него все возможное может только полный олух. За дело!

Одна коляска, запряженная отменными рысаками, всегда стояла наготове – с этим у Фаддея Евлампиевича было строго. Через пять минут он уже мчался к Ливадийскому дворцу в сопровождении трех самых толковых агентов, какие случились под руками. Как в насмешку, их

звали Кошкин, Мошкин и Перебейного. Ну да государю императору незачем знать их фамилии – лишь бы дело шло на лад.

А дело было такое, что из ряда вон: пропала великая княжна Екатерина Константиновна!

Похищена? Сбежала? Это предстояло выяснить на месте, причем времени было мало: сам начальник губернского управления полковник Гоцеридзе извещал, что выезжает в Ялту. По приезде он, разумеется, заберет следствие в свои руки. Времени отличиться оставалось мало – полсуток, от силы часов пятнадцать.

Тревожная тишина – вот что первым делом почуял ротмистр в Ливадии, да и мудрено было не почуять. Тревога, близкая к тихой панике. Куда девалась безмятежность знойного летнего дня! И не жарко вовсе. У кого-то мороз по коже, а кому-то до жары просто-напросто дела нет – служба. И азарт! Выспрашивай, выслушивай, вынюхивай! Бери след.

Дежурный офицер караульного полувзвода был вконец расстроен, бледнел, потел, но отвечал твердо, толково и вины за собой не признавал. Смысл его ответов сводился к следующему: охрана несла службу строго в соответствии с имеющимися инструкциями, каковые предписывают до последнего вздоха защищать государя и членов августейшей фамилии от нападения извне и отнюдь не предусматривают слежки за ними. По сути офицер был прав, а что до филерской службы, то не его ума это было дело.

Филерскую службу в Ливадии несли не ялтинские – петербургские. С ними Недогреев собирался потолковать потом, не особенно много ожидая от беседы. А вот поставить где следует вопрос о передаче оной службы в Ялтинское отделение можно и должно! Повод поистине замечательный.

Но прежде, разумеется, надо расстараться – разыскать и вернуть великую княжну. Нужен результат. И быстро. Хорошо бы до прибытия полковника Гоцеридзе...

Грешным делом ротмистр порадовался тому, что железная дорога на Южный берег до сих пор не протянута. Это давало ему фору во времени.

– Найдите и верните мне мою дочь, – глухо сказал ротмистру государь Константин Александрович, внезапно сильно постаревший. – Постарайтесь сделать это без огласки, но, разумеется, не в ущерб основной задаче. В вашем распоряжении все и всё. Приступайте.

Недогреев приступил. Кошкина, Мошкина и Перебейного он отправил снимать показания с дворцовой прислуги; сам же со слов расстроенной статс-дамы Евдокии Головиной, исполняющей должность гофмейстерины, и четырех фрейлин попытался составить картину происшествия.

И вот что выяснил.

Случилось это без малого пять часов назад, в аккурат после завтрака. Екатерина Константиновна выразила желание навестить великого князя Сергея Владимировича в его Ай-Тодорском имении. На вопрос Головиной, знает ли о намерении дочери государь, великая княжна беззаботно ответила, что не только знает, но и одобряет. Поверить в это было нетрудно: последние дни Екатерина Константиновна зримо для всех находилась в подавленном состоянии духа и много капризничала, поэтому не было ничего удивительного в том, что государь отпустил дочь прогуляться и проветриться... По лицу статс-дамы Недогреев читал, как ей стыдно за свою доверчивость и еще более стыдно за ложь великой княжны.

Далее оказалось, что Екатерина Константиновна нипочем не желает ни прогуляться пешком, ни прокатиться в коляске, а желает – о, ужас! – достичь Ай-Тодора в грязной шаланде грека Яни. На строгое замечание статс-дамы великая княжна со смехом ответствовала, что желающие могут идти, ехать, лететь, как угодно, а она пойдет под парусом. Причем смех ее показался статс-даме неестественным – однако был списан на нервное возбуждение. Причина нервозности? Молодой человек, есть вопросы, на которые женщина не обязана отвечать даже жандармским офицерам. Фи!

Подгонять Головину не понадобилось, да Фаддей Евлампиевич и не осмелился бы. Разумеется, звание статс-дамы предписывало Головиной сопровождать великую княжну. Та выбрала также одну из фрейлин. Остальные три были рады-радешеньки, что им не придется качаться на волнах в провонявшем рыбной корыте.

Дальше было совсем просто. Сев в шаланду, великая княжна вдруг вспомнила, что оставила в своей комнате кружевной зонтик от солнца, и попросила фрейлину принести его. Во время ее отсутствия Екатерина Константиновна симулировала сердечный припадок, насмерть перепугав почтенную статс-даму. Забыв обо всем, Головина кинулась было во дворец за доктором, но не успела пробежать и двух десятков шагов, как была остановлена громким смехом. Шаланда отошла от причала и под треугольным парусом удалялась в море, негодяй грек посмеивался на корме в усы, а великая княжна весело крикнула, чтобы статс-дама и фрейлина шли в Ай-Тодор пешком – ей-де хочется прокатиться в одиночестве.

Призывов немедленно вернуться она не услышала – разумеется, намеренно. Пришлось идти пешком. И хотя Императорская дорога, наверное, самая приятная дорога на свете, настроение у статс-дамы и фрейлины было не из лучших. Ах, если бы они только могли догадываться, что на уме у великой княжны! Тогда они подняли бы тревогу немедленно!

В Ай-Тодорской вилле великой княжны, однако, не оказалось. Быть может, помешал противный ветер? Статс-дама и фрейлина ждали битых два часа, изнервничались и невольно издергали его высочество великого князя Сергея Владимировича. Наконец один из лакеев вспомнил, что случайно видел примерно в версте от берега шаланду, идущую на запад. Когда? Да часа два с половиной, а то и три назад...

Еще не веря в случившееся, Головина с фрейлиной помчались в Ливадию, с ними поехал и Сергей Владимирович. В Ливадии Екатерины Константиновны не оказалось. Исчезла последняя надежда на то, что лакей, быть может, напутал или видел другую шаланду. В течение получаса во дворце царила все возрастающая паника. Наконец о случившемся осмелились доложить государю, и его императорское величество поднял на ноги жандармское управление...

Детали? Какие вам нужны еще детали, молодой человек? Ах, да, великая княжна взяла с собой дорожный баул – сказала, что везет сюрприз для дядюшки. На вопросы, что за сюрприз – отшучивалась или отмалчивалась.

Недогреев пометил в блокноте: грек Яни – шаланда – баул – фора 5 часов. Вырвал чистый лист, нацарапал записку, кликнул Мошкина и велел ему лететь пулей в Ялту, зашифровать и отправить. В записке содержалось предписание по вверенному ему уезду: удвоить бдительность в портах, на станциях и причалах, задерживать всех подозрительных особ женского пола.

Сказать больше Фаддей Евлампиевич не дерзнул. Несколько минут ушло на то, чтобы выяснить фамилию грека Яни – как назло, никто ее не помнил! Помнили, что великая княжна Екатерина не раз дружески беседовала с коварным греком, да и великий князь Дмитрий тоже. Пришлось деликатно, но твердо настоять на беседе с великим князем.

Тот казался удрученным, каковым, видимо, и был на самом деле. В побеге сестры винил почему-то себя, но почему – сообщить отказался. Лишь туману напустил: мол, был рядом и не заметил, не предотвратил... Фаддей Евлампиевич остался в подозрении, что великий князь знает больше, чем готов сообщить следствию.

Фамилия грека, однако, выяснилась: Костандопуло. Великий князь дал подробное словесное описание как самого грека, так и его шаланды. Имея то и другое, ротмистр теоретически мог приступить к розыскам.

Практически – не очень-то. Необходимо было взять под наблюдение побережье от Ялты до Севастополя, а кем прикажете вести это наблюдение, если подчиненных раз, два и обчелся? Стало быть, нет возможности избежать подключения к этому делу севастопольских коллег да вдобавок еще сыскной полиции... Не хочется, а делать нечего.

Пришлось воспользоваться телеграфным аппаратом. В нешифрованной телеграмме ротмистр сообщил только приметы шаланды. Не было сомнений: если грек повез великую княжну вдоль побережья, шаланда будет обнаружена в ближайшие часы. Если же он направился в открытое море – бог весть. Неизвестно, что у великой княжны на уме. Тем более неизвестно, что на уме у грека. Мирный рыбак? Гм. Наверняка еще и контрабандист. Все они контрабандисты...

Откуда, собственно, следует, что желания великой княжны и грека совпадают? Если предположить, что она напросилась покататься, а грек, пройдя для отвода глаз до Ай-Тодора, свернул к турецким берегам? Продаст глупую девчонку басурманам, как пить дать продаст!

Занятый этими мыслями, Фаддей Евлампиевич не сразу заметил, что уже некоторое время над его ухом деликатно покашливает агент Перебейного.

– Чего тебе?

– Дозвольте, ваше благородие, в Симеиз сгонять.

– Зачем?

– Там на горе, что над поселком, научная обсерватория, астрономы звезды считают. Ежели их оптику не на небо, а на море направить, вмиг шаланду обнаружим. Время дорого, ваше благородие. Пока конных разошлем, пока возьмем берег под наблюдение – это сколько же часов пройдет!

Нескольких секунд хватило ротмистру, чтобы понять: Перебейного предлагает дело.

– Поеду я, – сказал агенту Фаддей Евлампиевич. – А ты останешься здесь и выяснишь, что великая княжна могла увезти в бауле. Слуг трясина, а с фрейлинами будь поделikatней. Да вызови от моего имени сюда шифровальщика. Уразумел?

– Ваше благородие...

– И не спорь. Придумал ты хорошо, получишь наградные, а поеду я.

Еще бы Фаддей Евлампиевич отправил к астрономам Перебейного! Ученые – публика необычная, витают в мире комет и туманностей, процеживают мировой эфир, а к жандармским нуждам и не снизойдут. Что им какой-то агентшкa! Начальник уездного отделения – совсем другое дело.

Отдохнувшие рысаки мчали так, что ветер пел в ушах. Коляска едва не опрокинулась, разъезжаясь со встречным дилижансом, огромным, словно дом, и у ротмистра екнуло сердце. Обошлось, слава богу! Через полчаса справа на горе мелькнули круглые купола, и Фаддей Евлампиевич приказал сворачивать на серпантин. Вскоре он уже излагал свою нужду директору обсерватории.

Тот хмурился и довольным не выглядел. Бурчал, что астрономические инструменты предназначены для совершенно иных целей. Не входя в подробности, ротмистр сослался на заинтересованность в этом деле лично государя императора. Подействовало. Перебейного, конечно, в лучшем случае промурыжили бы лишний час, сочтя фантазером. Но жандармскому ротмистру директор пошел навстречу, хотя и с видимой неохотой, и распорядился провести куда надо и предоставить требуемое.

Одолжил! Фаддей Евлампиевич внутренне кипел, не показывая, однако, виду. Эти отшельники науки совсем забыли в своей обсерватории, за чей счет они обсервируют! Ах, большим телескопом воспользоваться нельзя? Почему? Каким тогда можно? Ну, скорее, скорее же!..

В скромном по размеру куполе открылась щель. Купол пришел в движение. Стуча шашкой, ротмистр взобрался по ступенькам на решетчатый помост, приложил глаз к какой-то трубке. Услышал смешок и потребовал, чтобы ему объяснили, куда тут смотреть и как управляться с этим чудовищем, – кратко и по существу.

– Дозвольте уж мне самому, ваше благородие, – с обидной снисходительностью молвил какой-то худосочный, бледный и прыщавый сын астробабии – студент, наверное. – Пока вы

научитесь, солнце зайдет, темно станет... На что смотреть будем? На море? Шаланду ищем? Тем более позвольте мне. Блик от солнца в глаз поймать – удовольствие маленькое...

Недогреев хоть и кипел, но правоту студента признал. Слез с помоста и даже крутил рукоятку, поворачивая купол по команде студента. И дождался – услышал: «Есть!»

– Нашел, что ли?

– Взгляните сами, коли охота.

Решив более не обращать внимания на снисходительный тон студентки, ротмистр взглянул – будто в молоко окунулся.

– Эт-то что еще за муть?

– Дымка над морем, – пояснил студент. – Вы присмотритесь получше. Что, не видно? Дайте-ка я... Ага. Объект ушел. Неважно, сейчас опять поймем... Теперь видите?

– Почему море вверх, а небо вниз?!

– Потому что телескоп не подзорная труба. Оборачивающая система – это лишние линзы. Нам потери света ни к чему.

– Как же вы на звезды смотрите вверх ногами? – весь кипя, спросил Фаддей Евлампиевич.

– А звездам все равно, как мы на них смотрим, – нахально заявил студент. – У них нет ног. Ничего иного предложить не могу. Так вы видите объект или нет?

Да, теперь Фаддей Евлампиевич видел объект. Лодка. Большая лодка. Треугольный латинский парус. Все сходится, только вверх тормашками, будто муха на потолке. Кажется, кто-то сидит на корме. Одна фигура или две? Не разобрать, а объект вот-вот уйдет за мыс. Ладно, разберемся по задержании...

Стремительно летя вниз по серпантину, он подумал: а ведь этот худосочный, на поганку похожий студентка еще небось обидится на то, что ему не сказали спасибо! Вот муфлоны горные! О чинопочитании и мысли нет. Службу бы им – нормальную, не эту! Хлебнули бы гарнизонной жизни – враз поумнели бы.

В Севастополь и Балаклаву ушли телеграммы. Ночью в Ливадию под усиленным конвоем был доставлен Яни Костандопуло. Полицейский катер перехватил его шаланду за мысом Сарыч.

На допросе старый грек сразу же выложил всю подноготную. Великая княжна подрядила его, старого Яни, отвезти ее в Симеиз. Нет, ни о каком Ай-Тодоре речи не было. Симеиз. У его шаланды отличный ход. Княжна заплатила целых десять рублей, хотя он, старый Яни, с удовольствием отвез бы их императорское высочество и бесплатно. Они веселые, все время смеются и других смешат. А ихний братец Дмитрий убедил старого Яни сразу же после землетрясения отогнать шаланду подальше в море – вот она и осталась цела, когда пришла большая волна. Как же после этого отказать хоть в чем-то их императорским высочествам?

– Высочествам? – напрягся ротмистр.

Оказалось, старый болван имел в виду, что он не отказал бы ни брату, ни сестре, но, поскольку об услуге просила сестра, то вот ей-то он и не отказал.

Сговорились накануне. Их императорское высочество выразили желание совершить морскую прогулку не на красавице яхте, а на его, Яни, шаланде. Яни лестно. Яни расскажет об этом внукам. Все крымские греки будут завидовать Яни. Что? Да, их императорское высочество ничего не сказали о других пассажирах. Поэтому старый Яни удивился, увидев их высочество у причала в сопровождении свиты, хотя и небольшой... Ему не жалко, он всех отвез бы, места хватило бы...

Фаддей Евлампиевич привычно сокращал в уме повествование втрое, выбрасывая мусор. Багаж? Был багаж. Большой ковровый баул, не очень тяжелый. Настроение великой княжны? Веселое. Хотя нет: то веселое, то задумчивое. Так-так. Дальше, дальше!..

Яни шевелил морщинами и вислыми усами. Яни не мог взять в толк, отчего такой шум. Он высадив великую княжну в бухточке под горой Кошка, там еще треугольная скала торчит

из моря, как клык. Их императорское высочество выпрыгнули на бережок, забрали баул, пома- хали старому Яни ручкой да и пошли себе в сосны...

– Вот что при нем нашли, ваше благородие. – На мясистой ладони жандарма блеснул перстень с рубином.

Фаддей Евлампиевич мысленно поздравил себя, приободрился и внушительным голосом сказал «так», пронзительно глядя на задержанного. Усы грека совсем обвисли.

– Не хотел я, ваше благородие, с этим связываться, – через силу признался он, – да только их императорское высочество очень просили. Ты, говорят, Яни, старый, смешной и самый замечательный. Ты, говорят, в Севастополь ходил когда-нибудь? Вот ведь вопрос! Старый Яни всюду ходил. Тогда, говорят, отвези этот перстень лейтенанту Забубенникову-второму в мор- ском экипаже. Запиши фамилию, чтобы не забыть. Найдешь? Передай ему перстень и ничего не говори, он сам поймет. Вот тебе сто рублей за труды и еще чтобы держал рот на замке. И дает мне сотенную, ваше благородие!

– Вот сотенная, – протянул бумажку жандарм.

– Запросить телеграфом, имеется ли в Севастополе лейтенант Забубенников-второй, – распорядился Недогреев.

И крепко задумался. Что-то тут не сходилось. Допустим, у великой княжны было увле- чение лейтенантом... Могло быть? Могло. Ну, это дело семейное, хотя странно, что на уровне начальника Ялтинского отделения о нем равным счетом ничего не известно... не известно даже из сплетен... Далее. Допустим, из романа вышел пшик, и девица возвращает бывшему возлюбленному залог любви... Стоп! Надо опросить фрейлин и челядь: не опознает ли кто перстень? Перебейного выяснил, что вместе с великой княжной исчезла шкатулка с ее драго- ценностями... не оттуда ли перстенок?

Убедившись, что именно оттуда, Фаддей Евлампиевич нахмурился. По всему выходило, что Екатерина Константиновна не возвращает перстень неведомому лейтенанту, а дарит. За какие заслуги? Если опять же в качестве залога любви, то почему не лично, а через сомнитель- ного грека? Если в качестве платы за услугу, то какова услуга? Ничего не понятно...

Все стало на свои места, когда из Севастополя протелеграфировали: лейтенант Забубен-ников-второй, равно как и первый, в списках флота не значится. Стало быть, великая княжна нарочно пыталась пустить следствие по ложному пути. Ну, много времени она на этом не выиг- рала...

– Так что, ваше благородие, мне можно идти? – нахально спросил грек.

Как бы не так. Версию о тщательно подготовленном побеге великой княжны теперь сле- довало считать основной, но с греком ротмистр еще не кончил. Пусть посидит в камере, авось еще что-нибудь вспомнит. Иной раз небо в клетку, клопы и баланда удивительным образом прочищают память.

Прежде всего ротмистру был неясен вопрос: что подвигло великую княжну на побег? Наверное, какая-нибудь романтическая история?

Никто не спал во дворце, но вторично беспокоить великого князя Дмитрия ротмистр не дерзнул. Побеседовать еще раз с фрейлинами – иное дело.

Допрос? Ни в коем случае. Фаддей Евлампиевич потратил целых три минуты на введение себя в должный образ и был сама любезность. Он все понимал, всем сочувствовал и беседо- вал с каждой фрейлиной в отдельности весьма доверительно, по-отечески. Сокрушенно качал головой: ах, как нехорошо вышло! Сейчас эти глупые девчонки голубых кровей должны были понять: лично их никто ни в чем не винит, но растет тревога за Екатерину Константиновну. Великая княжна умна, образованна, но совершенно не знает жизни. Ей грозит стать игрушкой в чужих руках.

Спросите любого нигилиста, и он скажет со злобой, что методом отеческого увещевания жандармы владеют превосходно. Если бы ротмистр Недогреев грубо надавил, он ничего не

узнал бы. Но он был ласков и укоризнен. Первой не выдержала Варечка Демидова – плача и сморкаясь в платочек, выложила предполагаемые мотивы бегства великой княжны.

И сейчас же все стало на свои места. Теперь Фаддей Евлампиевич и сам припомнил сплетни о сердечной привязанности великой княжны к статскому советнику Лопухину. Понятно. Видно, Екатерина Константиновна из тех девиц, которые в своей страсти не признают невозможного. А где сейчас Лопухин?

Вспомнилась телеграмма государю от генерала Сутгофа. Лопухин в плавании, вот где. С ним вышла какая-то история, но все обошлось, и в данный момент он, вероятно, спешит к Сандвичевым островам, а оттуда к берегам Японии. Конечный пункт – Владивосток.

Обмен посланиями между влюбленными невозможен. Отсюда вывод: предполагаемая цель Екатерины Константиновны – также Владивосток.

Фаддей Евлампиевич не удивился. Будь ты хоть семи пядей во лбу, а женскую натуру до конца не постигнешь, не мечтай даже. Особенно если вопрос касается дел амурных... Значит, Владивосток? А может быть, даже Иокогама? Неблизко...

И практически нереально, если рассудить здраво.

Денежные средства у нее есть. Решимости – хоть отбавляй. Имеется и хитрость. А чего нет?

Фальшивого пашпорта.

И это для нее большое неудобство. По счастью, в России нет такого вольнодумства, чтобы продавать железнодорожные билеты без пашпорта. На пароход, идущий за границу, – тем более. Вряд ли великая княжна настолько глупа, чтобы воспользоваться своим собственным пашпортом!

Произведенный тут же опрос выявил: ни у кого из обитательниц Ливадийского дворца, начиная от статс-дамы Головиной и кончая судомойкой, пашпорт не пропадал. Ротмистр и не надеялся, что затруднение разрешится так просто. Представить себе, чтобы воспитанная девушка и к тому же великая княжна украли чужие документы, он не мог и проверил эту версию лишь в силу предписанной инструкциями дотошности.

Мимо.

Для ясности мыслей Фаддей Евлампиевич хлебнул из бутылочки предусмотрительно захваченного с собой спермина Пелля – гадости ужасной, особенно ежели вспомнить, из чего сие снадобье готовится. В голове не то чтобы посвежело, но как-то посолиднело. И то ладно. Спать нынче не придется.

В том, что Севастополь – ложный след, не усомнился бы и ребенок, не то что жандармский ротмистр. Тем не менее великая княжна выбрала путь на запад. Куда, спрашивается?

На Бахчисарай и далее куда угодно почтовым дилижансом? Не исключено. Сейчас же полетели шифрованные телеграммы. На всех станциях севастопольского тракта жандармы будут проверять пассажиров. Беглянка не могла далеко уйти.

Второй и самый неприятный вариант – Балаклава. Тамошние греки, поголовно знающие толк как в рыбной ловле, так и в контрабанде, за умеренную мзду доведут беглянку куда угодно, хоть до Одессы, хоть до Констанцы. Там можно обзавестись фальшивыми документами приличного качества и сесть на пароход до любого средиземноморского порта, оттуда до Шанхая, а там уже и до Владивостока рукой подать.

В Севастополь полетела еще одна шифрованная телеграмма. Эх, жаль, что Балаклава находится в ведении Севастопольского отделения! Надо все же послать туда двух-трех толковых агентов, следователя, да и самому поехать – лично потрясти греков. Рвение зачтется.

В этот момент ротмистр Недогреев еще не знал, что никто не зачтет ему рвение. Он начал догадываться об этом через десять минут, докладывая о ходе розысков прибывшему в Ливадию полковнику Гоцеридзе.

– И это все, до чего вы дадумались? – весело спросил полковник, не успевший еще перевести дух после быстрой езды.

У Фаддея Евлампиевича упало сердце. Всякий, кто имел случай познакомиться с полковником Гоцеридзе, знал: веселость и нарочито преувеличенный грузинский акцент являются у него признаками крайнего неудовольствия. Напротив, если он кричит, топает ногами и грозит списать нерадивого подчиненного в околоточные надзиратели, это значит, что дела идут относительно неплохо, полковник лишь чуть-чуть недоволен. В состоянии полного довольства его никто никогда не видел.

Сын грузинского князька и русской мелкопоместной дворяночки, он лишь однажды побывал в Тифлисе и скоро уехал оттуда, не в силах взять в толк, что хорошего находят люди в этой раскаленной, как сковородка, долине среди никчемных гор. Впрочем, и Россия как страна полей, березовых рощ и заливных лугов привлекала его ничуть не больше. Иные дети от смешанных браков впитывают культуру обоих народов, приобретая вдвое больше, чем дети обыкновенные, – Гоцеридзе не приобрел ни того, ни другого.

Смыслом его жизни и главным источником удовольствия стал сыск. Получив в наследство необузданный темперамент, он не обходил стороной женщин, в то же время превосходно зная им цену. «Разве это человек? – шушукались за его спиной. – Это помесь племенного производителя и счетной машины. Механический жеребец!»

Более осведомленные знали: южная горячность оставлена полковником на виду, как некое украшение, а внутри – лед. Никакой кухмистер не сумеет запечь ледяное мороженое в пышущем жаром чебуреке – природа сделала это с Гоцеридзе легко и непринужденно.

– Савсэм глупый, да? – продолжал Гоцеридзе, глядя на Фаддея Евлампиевича столь ласково, что тому мечталось сравниться ростом с микробами и стать невидимым. – Констанца, да? Грэки? На шаландэ туалэт есть, да? Тры дня до Одессы, нэ мэньшэ чатырох до Констанцы. Куда великий княжна в туалэт ходить? За борт, да? Пры мушшынах?

Фаддей Евлампиевич повесил голову. А ведь верно! Как он мог не сообразить: шаланда – просто большая пузатая беспалубная лодка с парусом. Крошечную каюту вроде крысьей норы она иметь может, но уборную – извините. На лов рыбы ходят мужчины, кого им стесняться в море?

– И еще одной важнейшей вещи вы не поняли, ротмистр, – продолжал как ни в чем не бывало полковник, убрав акцент и, по-видимому, слегка оттаяв. – Вы не вполне отдали себе отчет в мотивах побега великой княжны Екатерины Константиновны. Кстати, кого еще вы подняли по тревоге? Надеюсь, губернатора не побеспокоили?

– Никак нет-с.

– И то ладно. Что, по вашему мнению, явилось главным мотивом бегства?

– Э-э... девичья... блажь, – промямлил ротмистр, чувствуя себя дурак-дураком. – Так сказать... э-э... стремление к возлюбленному.

В ответ Гоцеридзе превесело фыркнул.

– Глупости. Вы описали образ действий юной дурочки, а великая княжна отнюдь не дура. Удивляюсь я вам, ротмистр: служить в Ялте и не иметь представления о личных качествах особ августейшей фамилии! Запомните: Екатерина Константиновна – очень рассудительная молодая девушка. Если она поставила себе цель, то будет идти к ней упорно и последовательно, шаг за шагом. Похоже, что цель ее – обвенчаться с известным нам графом Лопухиным. Примем эту цель как конечную. Но ведь на пути к ней имеются и промежуточные, не так ли?

Недогреев только моргал.

– И первая из промежуточных – избежать навязываемого ей династического брака с бельгийским Францем-Леопольдом, – до того любезно, что у ротмистра похолодело в животе, продолжал полковник. – Как тут быть, если все и всё против великой княжны? Ответ прост: устроить скандал, да такой, чтобы ославить себя на весь свет. Грандиозный скандалище. Сак-

сен-Кобурги держатся строгих правил. Важнейшее для них – благопристойность. Если европейские газеты напишут о побеге великой княжны Екатерины Константиновны, то замужем за Францем-Леопольдом ей не бывать. Но ведь ей того и надо, не так ли? Скажу более: только тогда и появятся хоть какие-то шансы на ее брак с неким статским советником, мелкой сошкой... Сейчас-то шансов нет никаких!

Фаддея Евлампиевича осенило:

– Стало быть, ваше превосходительство, великая княжна направляется вовсе не во Владивосток?

– Отчего же? – весело удивился Гоцеридзе. – Ближняя цель не помеха дальней. Я полагаю, что великая княжна нацелилась именно на Владивосток. Но ловить мы будем не ее, а совсем другую особу. Доложите-ка, что пропало из вещей, не упуская ни одной мелочи. Вы говорили, здесь ставился любительский спектакль? Вот театральные-то реквизиты меня особенно интересуют...

Выслушав подробный отчет, он сейчас же продиктовал телеграмму всем губернским управлениям:

«Строго секретно. Приказываю принять меры к задержанию мошенницы и аферистки, дерзающей выдавать себя за великую княжну Екатерину Константиновну. По имеющимся сведениям, разыскиваемая пытается покинуть пределы Крымской губернии. Предписываю незамедлительно взять под особое наблюдение порты, причалы, железнодорожные вокзалы и почтовые станции. Проверять все пароходы, поезда и дилижансы. Обращая первейшее внимание на известное портретное сходство, иметь в виду, что разыскиваемая могла изменить внешность при помощи грима. При задержании подозрительных ни в коем случае не применять оружие, с задержанными обходиться учтиво. Гоцеридзе».

Недогреев даже зажмурился от зависти и унижения. Вот как надо было действовать с самого начала! «Удвоить бдительность», «задерживать подозрительных» – не те слова. Аферистка-лицедейка – это конкретно! Сразу ясно, кого ловить, да и тайна побега великой княжны соблюдена. Для всех старшая дочь государя по-прежнему пребывает в Ливадии, наслаждаясь солнцем, фруктами и полезными для здоровья морскими купаниями.

С первыми лучами рассвета выехали в Симеиз. Грек Яни показал, где высадил великую княжну и где она скрылась в соснах. С веселой развязностью Гоцеридзе велел несчастному Фаддею Евлампиевичу идти позади всех, не путаясь под ногами, но агентов его взял и пристроил к розыску наравне со своими, привезенными из Симферополя. В гору двинулись цепью, медленно, со всем тщанием осматривая не только лесные тропинки, но и каждый куст. Шевелили подлесок, ныряли в овраги, рассматривали каждый след, отпечатавшийся в лесной подстилке – тот или не тот? Натываясь на следы пикников, тихо и непечатно ругали беспечных поселковых жителей. Вот ведь нет у людей забот, кроме как сорить где попало!

– Сюда, ваше превосходительство! – наконец-то донеслось с левого фланга цепи.

Повезло Кошкину. Фаддей Евлампиевич аж заскрипел зубами от зависти. Почему всегда везет другим?

Под скатившуюся с горы глыбу величиной с хороший сарай кто-то затолкал ком на удивление чистого тряпья. Примчавшийся на зов Гоцеридзе, велел никому не подходить к глыбине, приблизился на цыпочках и извлек ком, оказавшийся пышным женским платьем со множеством оборочек и средней объемистости турнюром.

– Оно, – удовлетворенно проговорил полковник и даже глаза прижмурил как бы в блаженстве. – Вот здесь наша путешественница переодевалась в дорожное платье. Прямо нимфа.

Скажите, пожалуйста – одна, без горничной! Переделась и ушла вверх вон той тропинкой. Дядьков, Степанищев, Миллер – живо сюда! Осмотреть тут все как следует. Остальным отойти и не мешаться. Степанищев, у тебя руки длинные, а ну-ка пошарь под камнем получше, может, еще чего найдется...

И нашлось. Длиннорукий тощий Степанищев кряхтел, корчил мученические рожи, но все же подцепил и вынул на свет божий маленькую баночку темного стекла. Приняв ее на подставленную ладонь, Гоцеридзе поманил пальцем Недогреева.

– Знаете, ротмистр, что это такое?

– Никак нет, – сознался Фаддей Евлампиевич.

– Само собой, где уж вам. Эта баночка из гримерного набора «Диор и Лейхнер». Знаете, сколько он стоит? Только примадонны императорских театров могут позволить себе иметь такой грим... да еще императорская семья. – Полковник запустил в баночку палец, вынул, потер указательным о большой, полюбовался и даже понюхал. – Так я и думал. Тональный крем номер шестнадцать, если не ошибаюсь. Взгляните-ка. С таким цветом кожи можно играть прекрасную мавританку или, к примеру, цыганку. Не так ли?

– Точно так-с, – подобострастно подтвердил Фаддей Евлампиевич.

– Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей, – негромко, но с удовольствием пропел полковник. – Впрочем, есть еще один вариант, самый вероятный: загар. Простой южный загар, какой бывает у селянок. Но – ай-ай! – наносить такой грим, не обсыпавшись рисовой пудрой... Впитается в поры – потом за три дня не отскребешь... Бедная великая княжна... Ай-ай...

Гоцеридзе покачался с пятки на носок, глядя на Недогреева с видом веселой приязни. Зная, что означает это настроение полковника, всякий был бы рад сам себя затолкать поглубже под камень, прикрыть руками голову и зажмуриться.

– Ну так и быть, дам вам еще один шанс, – внезапно смиростивился полковник. – Вы полагаете, что наша беглянка укатила в Бахчисарай или Балаклаву?

Фаддей Евлампиевич уже не был ни в чем уверен. Но ответить «никак нет-с» означало нарваться на вопрос: «Почему же тогда вы не приняли мер к задержанию великой княжны на иных дорогах?» Пришлось ответить: «Точно так-с».

– Прэлэстно, – «включил» акцент полковник, и Недогреев совсем пал духом. – На чем же она уехала?

– Надо думать, ее поджидал сообщник с коляской.

– Законное предположение. На нижней дороге или на верхней?

– Полагаю, на нижней, ваше превосходительство.

– Да? Ну что ж, пойдем проверим.

Нет ничего приятного в том, чтобы идти в гору даже ранним утром, когда солнце только только высунулось из моря и совсем не печет. Фаддей Евлампиевич вспотел в мундире. Украдкой вытер платочком лоб. А полковнику ничего – лезет и лезет вверх, будто у него не ноги, а пружины... Отнюдь не с сочувствием ротмистр подумал, что великой княжне было куда труднее взбираться по полуденному солнцепеку, даром что сосны дают тень. Она ведь даже зонтика от солнца не имела – проверили, фрейлину она не впустую посылала...

Нижнюю дорогу пересекли, не останавливаясь. Далее лес вытянулся в ниточку вдоль горы, вскипели справа яблоневые и грушевые сады с торчащими за ними крышами поселка, вновь показалась морская синь... Н-да... Кому красота и благолепие, а кому одни неприятности... «Господи, пронеси!» – взмолился Недогреев.

Не пронес. На почтовой станции говорливый старичок-смотритель припомнил, что да, была здесь давеча одна молодая барышня. Приметы? Виноват, ваше превосходительство, не обратил сугубого внимания. Вот разве что одна странность: одета хорошо и в модной шляпке,

а на коже загар. Да еще на носу синие очки – от солнца, значит. Ждала без малого час и вроде как нервничала, а потом села в дилижанс и укатила...

– В сторону Севастополя? – спросил Гоцеридзе, метнув веселый взгляд на Недогреева.

– Зачем Севастополь? В сторону Ялты. Кондуктор ей с багажом помог, а она заплатила ему за проезд аж до Феодосии, я хорошо слышал...

– А багаж?! – закричал Недогреев, еще надеясь, что барышня, может, не та, а какая-то другая. – Багаж у нее какой был? Вспоминай, дед!

– Чего вспоминать, ваше благородие, когда хорошо помню? Один только ковровый баул и был, больше ничего. Да еще вышитый ридикюль, который она из баула вынула, когда в дилижанс садилась...

Чем ласковее смотрел на ротмистра полковник Гоцеридзе, тем сильнее хотелось Фаддею Евлампиевичу мучительно застонать и побиться обо что-нибудь лбом. Но вместо этого он сделался страшен, как кот, прижатый собаками к забору, и не своим голосом взревел:

– Врешь!!!

– Стар я врать, ваше благородие, – укоризненно отвечивал смотритель и шмыгнул носом от обиды. – Правду говорю.

И растаяла последняя надежда. Хуже того: ротмистр припомнил, как давеча, спеша к астрономам, едва-едва разминул со встречным дилижансом. С тем самым! По времени – совпадает. Выходит, он, ротмистр Недогреев, как последний олух, был в двух шагах от великой княжны и пронесся мимо!

– Ну-с, теперь, надеюсь, все ясно? – по-прежнему ласково глядя на злосчастного Недогреева, произнес полковник. Акцент не «включил», но с того не легче.

– Так точно-с, – понуро ответил Фаддей Евлампиевич. А мысль работала: где теперь перехватить беглянку? Связаться с Феодосией? Нет, можно сделать проще. В Алуште большая почтовая станция с гостиницей для пассажиров, там они ночевали и оттуда еще не выехали, туда надо телеграфировать немедленно...

– Ваше превосходительство! Дозвольте... – начал он и был прерван.

– Об Алуште подумали? – окончательно развеселился Гоцеридзе. Казалось, он сейчас расхохочется во все горло. – К телеграфу рветесь? Желаете исправить проворством ног промахи своего ума? Нет уж, дорогой вы мой, ваши промахи будут исправлять другие, а вас я отстраняю от расследования. Отправляйтесь в Ялту, сидите там тише мыши, и боже вас упаси помешать мне! Ваши люди останутся со мной. Понятно?

Несчастный ротмистр сумел лишь кивнуть, не в силах вымолвить «точно так-с» или «слушаюсь». Ясное утро померкло, как при солнечном затмении, в висках застучали молоточки, а подумалось только одно: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот тебе и близость к Ливадии! Вот тебе и карьерные виды!..»

– Кстати, – напоследок обратился к нему Гоцеридзе, как будто что-то вспомнив, – ставлю сто к одному, что наша подопечная в данный момент находится уже не в Алуште. Она не дурочка, в отличие от... Ступайте! Да что с вами?..

Фаддей Евлампиевич мягко осел наземь. Впервые в жизни с ним приключился обморок, и неопытный в таких делах ротмистр успел подумать, что умирает. Потом все было как в тумане. Через полчаса он в сопровождении Перебейноги трясся в коляске в сторону Ялты, ощупывал мокрый мундир, думал, сколько же ведер воды вылили на него, чтобы привести в чувство, и предавался горестному унынию.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой великая княжна поступает на службу, а «Победослав» движется туда, куда предписано

Отдадим должное проницательности жандармского полковника – великой княжны в самом деле не было в Алуште. Полковник ошибся лишь со словом «уже», ибо до означенного поселка Екатерина Константиновна так и не доехала.

План пришлось ломать, и вот как это произошло. Дождавшись дилижанса и порядком понервничав, великая княжна намеренно громко, чтобы расслышал и смотритель, поинтересовалась ценой билета до Феодосии, ахнула, когда кондуктор назвал ей цену, притворно рассердилась и заплатила. Кондуктор дунул в хрипучий рожок, кучер шевельнул кнутом, мальчишка-форейтор гикнул, лошади налегли на постромки, под колесами захрустел щебень, и преогромный экипаж покатился. Как раз в ту сторону, откуда Катенька только что вырвалась не без труда и изобретательности.

Что сердце трепетало, как птица в кулаке, – ладно. Хуже было то, что внутри дилижанса ехало человек пятнадцать, и это в жару! Еще жужжала басом толстая муха, нипочем не желая убраться из экипажа восвояси. И как подданные терпят такие условия?! Екатерина Константиновна сейчас же начала обмахиваться веером и завидовать нескольким мужчинам, путешествующим рядом с багажным отделением на империале, где хоть ветерком слегка обдувает. Но завидуй, не завидуй – дамы на империал все равно не допускаются.

Жара. Духота. Запах пота. Наглая муха.

«Привыкай, голубушка», – сказала себе великая княжна.

К запаху пота примешался запах дешевого мужского одеколона, фабрикуемого, должно быть, из креозота, каким пропитывают шпалы.

– Не угодно ли, мадемуазель? – обратился к Катеньке некий развязный франт, носитель сего амбре. Он протягивал открытую жестяную коробку с леденцами.

Катеньку затошнило. С ума сошел. В такую жару – сладкое! А франт придвинулся поближе. Неужели обнаглеет настолько, что в Ялте предложит запить жажду шампанским? И этот запах... Ужасные у папá подданные!

– Благодарю, не угодно, – ответила она как можно суше. Но отбрызнуть развязного одной фразой не получилось.

– Интересный у вас загар, мадемуазель, – заметил он, нимало не смутившись. – Как будто солнце нарочно заглядывало под поля вашей прелестной шляпки. Очень хорошо его понимаю!

Катенька посмотрела на развязного сердито, хотя сердиться ей надо было на себя. Не сообразила, второпях нанося крем, что верх лица надо оставить более светлым. Вот и выкручивайся теперь как знаешь.

И ведь выкрутилась:

– На раскопках я носила косынку. Так удобнее.

– На раскопках? – удивился развязный.

– В Херсонесе. Археологическая экспедиция профессора Алексева. Я его ассистентка.

Вышло чудо как убедительно. Даже фамилия профессора пришла в голову мгновенно, притом самая заурядная фамилия Алексеев, а не какой-нибудь внезапно прыгнувший в голову Перешнуруй-Штиблетов. Выдумка позволила остаться в образе молодой эмансипированной девушки. Будущий историк? Тем лучше. Оставьте, господа, в покое образованную барышню, поищите добычу попроще.

И точно – развязный произнес водянистый комплимент и отодвинулся, не рискуя связываться с синим чулком. Дышать стало легче. Зато выказал интерес толстый господин в золотом пенсне на потном носу:

– Позвольте-ка... Профессор Алексеев? Из Московского университета?

– Из Харьковского, – отчаянно соврала Екатерина Константиновна. – Однофамилец.

– А-а, – протянул толстый господин. – Простите, не знаком с ним. Но уж приват-доцента Малько вы, наверное, знаете? Валентина Валентиновича?

– Даже дружны, – выдавила из себя Катенька, изо всех сил стараясь не выдать паники.

– Увидите – непременно привет ему передайте от профессора Шпунта. Да скажите ему, что его балто-литовская теория этногенеза кривичей – чушь несусветная!

– Непременно скажу, – через силу улыбнулась Екатерина Константиновна, ощущая себя воробышком в кошачьих когтях.

– Помню, наш с ним спор лет десять назад по поводу одной находки, – засмеялся вдруг профессор. – Да вы ее должны знать, хоть и были в ту пору гимназисткой. Я имею в виду то, что наш милейший Валентин Валентинович счел жезлом военачальника эпохи ранней бронзы. Ха-ха. Это такой же жезл, как я балерина Мариинского театра. Была еще версия – культовый предмет. Фаллического, надо полагать, культа, пардон, мадемуазель...

– А что же это? – с уместным скепсисом спросила великая княжна. Ох, как непросто было играть без роли и суфлера!

– Да обыкновенный каменный пестик для растирания зерна! – развеселился профессор. – А что каменный поясик на нем, так это чистой воды украшение. Из-за этого пояска, знаете ли, целая баталия вышла. Тогда как место обнаружения находки в захоронении, социальный статус погребенного, да и сама технология производства шлифованных каменных изделий не дают оснований усомниться в том, что...

Катенька затосковала. Сейчас этот ученый толстяк, прервав разлагольствования о теориях, кривичах, раскопках и пестиках, спросит ее мнение – и пропала вся конспирация. Нельзя же без конца отделяться ничего не значащими фразами. Ох, а фамилия-то профессора знакомая – Шпунт... Не тот ли самый автор гимназического учебника по истории России? Возможно, тот самый...

Что же делать? Пожаловаться на тошноту и мигрень? Хлопнуться в обморок якобы от духоты?

На сей раз выручило внешнее: налетел встречный дробный стук копыт, и в вихре знойного воздуха впритирку с дилижансом промчалась коляска с неким синим мундиром в ней. Господин жандармский офицер куда-то очень торопился.

Понятно куда...

– Занавески, занавески задерните скорей! – криливо заволновалась какая-то дама в бледно-лиловом. – Пыль же летит!

И правда – в неостекленные по-летнему окна ворвался целый самум. Слышно было, как заругались пассажиры наверху – им тоже досталось понюхать дорожной пыли. Зафыркали лошади, закашлял возница. Бешеная коляска подняла такой шлейф, что еще минуты три пассажиры чихали, возмущались и отряхивались.

Зато разговор сразу перескочил на новые рельсы. Катенька в нем не участвовала. Оказывается, не только она заметила жандарма в коляске. Пассажиры обсуждали и единодушно осуждали неосмотрительную езду по дороге – так ведь можно не просто в канаву вылететь, а покатиться вместе с экипажем по очень неприятному каменистому склону да и расшибиться насмерть. Бледно-лиловая дама, с оскорбленным видом пытающаяся отчистить свою кружевную шляпку от пыли, высказала мнение, что жандармы вконец распоясались. Кто-то сочувственно поддакнул. Кто-то, не возразив по существу, заметил не без иронии: служба у них такая, что иной раз лучше свернуть себе шею, чем не выполнить распоряжений начальства. А

кончилось диспутом, который завел толстый историк со своим соседом: один утверждал, что на Кавказе дороги – истинный ужас, другой уверял, что в благополучной Швейцарии дрянное шоссе иной раз вьется по краю такой пропасти, что опрокинется экипаж – успеешь завешание написать, пока летишь. Если, конечно, имеешь при себе самопишущее перо.

Екатерина Константиновна была временно забыта, что только радовало ее. На всякий случай она притворилась слегка сомлевшей от духоты.

В Ялте перепрягали лошадей. Пассажиры получили часовой отдых. Кто-то сразу же устремился к общественной уборной, кто-то бодро направился к тенту маленькой открытой ресторации. Два степенных пассажира купеческого вида выбрали заведение попроще – трактир. Публика с империала потянулась к дымящим мангалам предприимчивых татар и крикливым бабам, торгующим с лотков бубликами, черешней, ранними абрикосами и всякой прочей снедью.

Никакого аппетита Екатерина Константиновна не ощущала, а вот подумать было о чем. Продолжать ли путешествие в дилижансе до Алушты, как собиралась вначале? Ох, опасно... И в Ялте нельзя оставаться лишней минуты.

Затянутый в португею городской гнал взащей наглую торговку, проникшую со связкой сухой рыбы чуть ли не под самый тент ресторации. От полиции Катенька проворно отвернулась и стала рассматривать вывешенные на большом щите правила проезда на почтово-пассажирских дилижансах. Господам пассажирам строжайше воспрещалось садиться и спрыгивать на ходу экипажа, кормить и дразнить лошадей, провозить пахучий или дурно пахнущий багаж, причинять вред имуществу дилижансной компании и погонять возницу. Курить дозволялось только на империале. Пить – где угодно, но до первой жалобы. Запрещалось также отвлекать разговорами кондуктора во время исполнения оным своих прямых обязанностей, громко петь, выбрасывать мусор на дорогу и швырять что бы то ни было в форейтора. И все потому, что дилижанс является средством транспорта повышенной опасности.

Подивившись такому разнообразию фантазий подданных, Катенька принялась лихорадочно соображать. В Ялте полно полиции, хватает и жандармов. В Алуште того и другого, конечно, меньше, но и поселок невелик. К тому же дорога на Симферополь наверняка перекрыта постами... Нет, покидать Крым надо только морем, как и планировала! В этом смысле Ялта лучше Алушты – и пароходов ходит больше, и можно надеяться, что чрезвычайные меры по проверке пассажиров еще не приняты...

Итак, решено!

Узнав, что загорелая, но прилично одетая пассажирка не намерена продолжать путь, кондуктор изумился, но версия неожиданной встречи с гостящей в Ялте старой знакомой вполне убедила его – тем более что Катенька не стала настаивать на возврате денег за билет до Феодосии да еще дала двугривенный на чай. Так или иначе – кондуктор слазил наверх и выдал баул.

Тащиться в порт пришлось долго и по солнцепеку – хорошо хоть под гору. Зато через центр города, где того и жди, что подойдет синий жандарм или агент в партикулярном и деликатно, но непреклонно потребует снять синие очки и предъявить документы. А в порту повезло.

Маленький пароходик «Афон» отходил в Новороссийск буквально через полчаса. В пути – восемнадцать часов. Рискнуть? Пожалуй...

В билетной кассе ей продали билет второго класса и документов не спросили, хотя Катенька держала в руках удостоверение избирательницы, а в уме – историю об украденном пашпорте и о фамилии как результате воспитания в Царскосельском приюте для не помнящих родства сирот. Все они там Георгиевы, Александровы, Константиновы, Царевы да Романовы...

Обошлось.

Она по-прежнему опережала идущих по следу ищек, но понимала, что разрыв сокращается. В Новороссийске его, пожалуй, вовсе не будет. Но главным сейчас было вырваться

из Крыма. Уж его-то жандармские ищейки перевернут в первую очередь, все перетряхнут и просеют сквозь мелкое сито – станциями и портами начнут, городами продолжат, а кончат последней татарской деревушкой. Прячься, не прячься, а рано или поздно найдут.

«Да ведь не для того, голубушка, ты устроила побег, чтобы сидеть, как мышь, в норке», – подумала Екатерина Константиновна и немедленно вздохнула от сочувствия к папá. Бедный... Но если для него, как и для брата Митеньки, люди – лишь инструменты и материалы, то пусть папá имеет в виду: не все согласны служить инструментами в чужих руках, даже отцовских.

Несмотря на открытый настежь иллюминатор, в тесной каюте можно было испечься заживо, и к тому же соседками оказались три монашки, немедленно поджавшие губы при виде «синего чулка». Пусть так – Катенька не собиралась коротко знакомиться со случайными попутчицами. А вот просидеть в духоте до отплытия пришлось.

Дальше началось волшебство: все равно теплый, но до блаженства приятный ветерок, мало-помалу удаляющиеся и тающие в дымке берега Тавриды, разношерстная, но по преимуществу чистая публика... Подкрепив силы в судовом буфете, Катенька вторично вышла на палубу уже под вечер и залюбовалась садящимся солнцем.

Берегов уже не было видно. Море – почти спокойное, с невеликой ленивой зыбью. Проклятая качка, что чуть было не довела Катеньку до морской болезни на шаланде грека Яни, на пароходе почти не ощущалась. Прямой форштевень легко резал изумрудную воду, а из длинной черной трубы, как положено, валил дым.

– Дельфины, дельфины! – закричал пронзительный мальчишечий голос. – Мама, гляди, дельфины!

Пароход немедленно дал легкий крен, потому что вся публика, любующаяся морскими видами или просто фланирующая по палубе, кинулась к борту глазеть на дельфинов.

И хотя Екатерина Константиновна как образованная и здравомыслящая девушка не слишком-то верила в приметы, но под восторженные восклицания пассажиров и она подумала: хорошее предзнаменование.

Да и кто бы на ее месте так не подумал?

– Мама, мама! А почему дельфины ближе не подплывают? Вот я им булку кину. Они булку есть будут?

– Тише, Павлик! – шипела мать и дергала сына за руку. – Неприлично ведешь себя. Разве воспитанные мальчишки кричат на весь пароход?

– Кричат! Кричат!

Пассажиры заулыбались. Невольно улыбнулась и Катенька.

– Нет, не кричат.

– Кричат!

– Не станут дельфины вашу булку есть, молодой человек, – чуть заметно шамкая, обратился к огольцу старичок в генеральском мундире без погон, но со знаками Георгия, Владимира и Станислава на тщедушной груди. – Они рыбой питаются. Догонит – цап – и нет рыбки. И к борту они ни за что не подойдут. Не видите разве – это белобочки, они пугливые. Афалины – те подошли бы.

Мальчик недоверчиво воззрился на знатока морской фауны.

– А булку они совсем-совсем есть не станут?

– Бросайте, ежели хотите. Чайкам достанется.

Мальчишка глубоко задумался. Катенька улыбалась неведомо чему.

– Да-с, сударыня, – обратился говорливый старичок уже к ней. – Как сейчас помню, к нашей батарее на острове Березань целый год один дельфин приплывал. Часы по нему можно было сверять. Аккуратное животное. Только когда у нас практические стрельбы начинались – тогда уходил и, бывало, два дня не появлялся. Потом – снова. Иной раз наши солдаты ставили в море сеть, уху потом варили, так всю рыбью мелочь ему, дельфину, кидали. Он рад был.

Высунется из воды по плавники и головой вот этак-с кивает – благодарит. Сам-то я на Березани наездами бывал. Проверишь, бывало, все ли в должном порядке, – и к морю. Он меня узнавал. Высунет башку и вроде бы смеется. «Ах ты, – говорю, – такой-сякой! Над полковником смеяться?!» Я тогда полковником был, командовал крепостной артиллерией в Очакове... А дельфин кивнет – мол, над тобой смеюсь, каракатица сухопутная, над тобой, не сомневайся... Смешной был. А как турка в начале той кампании попробовал войти в лиман, Березани крепко досталось. Иной раз острова совсем не видно было за водяными фонтанами. Ну, кто убит, кто ранен, однако ж остров отстояли и турку в лиман не пустили. Но с той поры того дельфина уже никто не видал – то ли погиб он во время бомбардировки, то ли до того испугался, что уплыл и решил больше не возвращаться, не знаю... – Старичок печально вздохнул и вдруг дернулся. – Ох, простите, сударыня, старого дураля, я же не представился! Максим Бубнов, сын Васильев, генерал-майор от артиллерии в отставке. Гм... в отставке, собственно, я, а не артиллерия...

Сразу было видно, что шутка старая, повторенная много раз. Но старичок понравился. Такой ни в коем случае не мог быть жандармским агентом.

Особенно забавной казалась растительность на лице. Отставной генерал-майор Бубнов носил пышные седые усы, переходящие в нелепо торчащие бакенбарды, а подбородок брил. Осколок прошлого царствования... Лет сорок назад такое обезьянничанье было в моде.

Катенька сделала легкий книксен:

– Романова Екатерина Константиновна, аспирантка Харьковского университета.

– А, наука... – с заметным разочарованием протянул было отставной генерал-майор, но сейчас же спохватился. – И по какой же части изволите... э-э... аспирантить?

– По исторической.

– Жаль, – всплеснул сухими ручонками Бубнов. – Мы, артиллеристы, больше математику уважаем. Полезнейшая из наук-с! Но и насчет истории, знаете ли, бывает... Вот я вам расскажу одну историю из гарнизонной жизни...

И рассказал. Катенька едва не прослезилась от смеха. Вот вышел бы номер, если бы поплыла маскарадная косметика!

– Куда изволите держать путь? – осведомился генерал, чрезвычайно довольный впечатлением, произведенным рассказанной историей на импозантную барышню.

– В Новороссийск, а оттуда в Батум. – Пришлось соврать симпатичному старичку.

– По научным делам?

– Также и по личным.

– А я в Новороссийске живу. Да-с. Хороший город, только ветра бывают злые. Домик у меня там. Живем, хлеб жуем. Решил вот навеститься к старому месту службы, в Очаков, а оттуда в Крым, да супругу взял, дражайшую мою Пелагеюшку, да внука Федьку. Родители-то его на Дальний Восток поехали, там год службы за полтора идет и карьерный рост быстрый. Как обустроятся, заберут сына к себе. А пока он со мной, лоботряс. Мне – что? Мне радость. А вот не возьметесь ли вы, сударыня, подтянуть его немного по истории? Ему экзамен за шестой класс осенью сдавать, а не сдаст – турнут обалдуя из гимназии. Право, взялись бы, а за мной не пропадет, отблагодарю, как полагается...

Называется: выжидал-выжидал, ходил вокруг да около, а потом взял да и пальнул в упор. Отказать? Неловко отказывать такому симпатичному старичку...

– Я, право, не знаю... – замялась Екатерина Константиновна. – Вряд ли у меня найдется достаточно времени...

– Если нарушаю своей просьбой ваши планы, тогда прошу великодушно извинить, – старомодно поклонился Бубнов. – Все понимаем: здесь общество, а вы – молодая привлекательная особа...

– Ах, совсем не то, что вы подумали! – воскликнула Катенька. – Я... я согласна! Во всяком случае, до Новороссийска вы можете располагать мною.

– И великолепно! – расцвел отставной генерал-майор. Право, приятно было доставить старичку удовольствие. – Не угодно ли начать прямо сейчас?

Так... полюбовалась морскими видами...

– Угодно. – Катенька вздохнула.

– Тогда прошу в каюту, – засуетился Бубнов. – Уж и не знаю, как вас благодарить, голубушка. Расшевелите вы бога ради Федьку, лоботряса этакого, а вздумает дерзить – мне жалуйтесь, я ему уже подзатыльников пропишу. Да и Пелагее Андреевне, супружнице драгоценной моей, радость. Сами посудите, легко ли ей в ее годы путешествовать без прислуги?..

Великая княжна остановилась как вкопанная. Вольная жизнь, к которой стремятся все узницы дворцов и мученицы этикетов, оказалась наполненной неприятными неожиданностями. Откуда было знать Екатерине Константиновне, что на репетиторов зачастую смотрят как на дармовую прислугу? Мелочь – но пугающая с непривычки, и Катенька испугалась. Целые пласты неведомой жизни заурядных подданных грозили обрушиться на нее, как штукатурка с потолка. Боязно, зябко...

– Я не гожусь в горничные... – пролепетала великая княжна.

– Господи, да всей работы вам – вечером расшнуровать моей дражайшей платье, а утром зашнуровать! – всплеснул руками Бубнов. – Чепуха же, право! Разве это работа? Главное – с Федькой моим позанимайтесь, а уж прочими делами я вас не слишком утружу, мое слово крепко. Ну как, согласны?

– Согласна, – кивнула Катенька, чуть подумав. – Но, право, странно, что вы путешествуете без прислуги...

– В больнице Аграфену оставили, в Ялте, – вздохнул генерал. – Я на докторов кричать, а они ни в какую. Подозрение на брюшной тиф, говорят. А нам ехать надо. Груня ревмя ревет да, пардон, до ветру бежит. Словом, уломали меня доктора. А нынче стали укладывать вещи, гляжу – ее узелок. Хотел его в больницу отослать, да на коридорного из «Эдинбурга» не понадеялся. Ничего, дома получит, как поправится, а денег на дорогу я ей оставил...

Пелагея Андреевна оказалась толстой старой брюзливой теткой, а Федька – толстым же увальнем с заплывшими жиром глазками и умом чугуновой нестибаемости. Тщась вдолбить в голову недоросля разницу между гибеллинами и гвельфами, Катенька билась с ним до темноты с тем же успехом, с каким могла бы биться головой о причальный кнехт.

Потом учебник господина Шпунта полетел в угол – ладно еще, что не в голову надоедливой репетиторше, – а чадо не просто разразилось басовитым ревом, но и забилося в наигранной истерике, расшвыривая по каюте все, до чего могло дотянуться короткими толстыми ручонками. Обещанного дедом подзатыльника лоботряс не получил – видно, любил внука отставной генерал, – а виноватой во всем оказалась репетиторша. Ах, так? Катенька вспыхнула. Не навязываюсь! И платы мне никакой не нужно. До свидания!

Подхватив с койки свой ридикюль, Катенька гордо вышла. Сердце громко стучало от возмущения. Вот безобразие! Вот несносный олух! И дедушка его хорош... Ой, а это что такое?

Пунцовая краска залила лицо великой княжны. В своих руках она обнаружила не только ридикюль, но и дешевый ситцевый платок, вероятно, принадлежащий оставленной в Ялте прислуге, да еще какой-то бумажный листок, свернутый пополам. Вот наказание! Схватила, не глядя... Вольно же было мальчишке расшвыривать вещи... Как ни неприятно возвращаться, а платок надо вернуть, чтобы не подумали невесть чего...

И тут бурно стучащее сердце дало сбой. Бумажный листок, который великая княжна хотела скомкать и выбросить в притороченную к переборке мусорную корзину, оказался не простым листком. Очень даже не простым! В руках Катеньки оказался паспорт на имя Аграфены Дормидонтовны Коровкиной, 22 лет, родом из крестьян Пензенской губернии, приметы такие-то...

Возле тусклого электрического светильника Катенька внимательно прочла документ. Приметы настоящей Аграфены не совсем совпадали с ее собственными, но отличались все же не безнадежно. Ужасали имя, отчество и фамилия. И все же это был настоящий, не поддельный паспорт с настоящей гербовой печатью!

А потом пришли нравственные мучения. Вернуть и платок, и паспорт? Или только платок? С одной стороны – пахнет воровством и мошенничеством. С другой – паспорта долго не хватятся. Генерал тоже хорош – увез и вещи прислуги, и ее документ... У бедной девушки – дай бог ей поправиться – могут быть неприятности с полицией. Хотя... дело ведь разъяснится после того, как Бубнова запросят телеграфом?

Должно разъясниться! В самом худшем случае девушке придется провести сутки в полицейском отделении. Ах, лишь бы выздоровела...

Итак, решено?

Терзания нечистой совести хуже занозы. Ничего еще не было решено, но, проходя мимо двери каюты отставного генерала, Катенька как бы ненароком уронила ситцевый платок. Один только платок. Бумагу же спрятала в ридикюль.

Верхняя палуба освещалась, по счастью, слабо. Ночь была черная, теплая, а пятна фонарного света на палубе желты, как блюдечки с абрикосовым пюре. Публики наверху почти не было. Никто не мог видеть, как пылает лицо одинокой молодой пассажирки – пылает от стыда.

От острова Сан-Мигель «Победослав» взял курс севернее, чем следовало. Обоснованно или нет – неизвестно, но Пыхачев опасался англичан. Быстроходный «Сerpент» мог бы догнать русский корвет в открытом море, и тогда... Тогда могло случиться что угодно. Великая Атлантика потому и велика, что свидетелей не докличешься. Нет свидетелей – нет преступления. Мало ли отчего пропадают в море корабли!

Возможно, каперанг перестраховывался. Но кто бы не стал вдвое осторожнее, неся ответственность за персону наследника престола? Один лишь бесшабашный мичман Свистунов имел дерзость осудить маневр, да и то против обыкновения был скуп на слова.

– Заячий скок, – прокомментировал он появление на правой раковине туманных контуров острова Пику.

Случившийся рядом Батеньков только головою покачал.

В тот же день видели справа остров Фаял, а ночью заметили свет маяка на острове Флориш. И лишь к полудню следующего дня, когда Азоры остались далеко позади, Пыхачев приказал изменить курс.

Шли под парусами. Свежий ветер позволял держать хороший ход. Поскрипывали замененные в Понта-Дельгада части рангоута, пахло сосновой смолой. Никто не шуровал в топках. Кочегаров, чтобы не бездельничали, гоняли на приборку. Угольные ямы были забиты до отказа, а сверх того корвет нес запас угля в дерюжных мешках, размещенных всюду, где только оставался запас места – и в кладовках, и в мастерской, и в проходах, и даже на батарейной палубе. Под грузом угля да под не менее великими запасами пресной воды и продовольствия корвет осел в воду на добрых полтора фута.

Путь до Сандвичевых островов долог, но при благоприятных условиях к концу пути останется запас и воды, и провизии, и даже топлива. Глупец, однако, тот, кто, надеясь на лучшее, к лучшему же и готовится. Вроде бы еще далеко до осени – времени ураганов, но всякое может случиться. Мертвый штиль после многодневного шторма – самое худшее. Есть риск застрять посреди океана с ничтожными запасами угля. А не бороться со штормом машиной – рисковать рангоутом и людьми. Что предпочесть? И нет больше верного «Чухонца», который при всех своих недостатках мог бы подстраховать корвет вдали от оживленных морских путей в океанской пустыне...

– Десять против одного, – объявил мичман Тизенгаузен, подсчитав что-то на бумажке.

– Простите?..

– Ставлю десять рублей против одного на то, что в ближайшие три недели мы не увидим ни одного судна.

– Ставьте двадцать к одному, тогда я, пожалуй, рискну, – молвил лейтенант Фаленберг, проделав тот же расчет в уме.

– Увольте. Согласно моим расчетам, вероятность встречи составляет семь процентов. А у вас?

– Восемь с половиной.

– Ну, вы артиллерист, вы сразу поправки вносите...

– В поправках вся суть.

За дискуссией двух теоретиков молча наблюдали Канчев и Свистунов, один со снисходительной улыбкой, другой – с глумливой усмешкой. Когда спорят немцы, русского человека неудержимо тянет к веселью. Немецкая душа, хоть и способна оперировать вероятностями, знать ничего не желает о случайностях – о настоящих случайностях, не поддающихся никаким вычислениям. Недаром русское «авось» невозможно адекватно перевести ни на один из европейских языков.

А еще можно спросить любого матроса, и, если удастся втолковать ему, что такое вероятность, он немедленно ответит, что вероятность встретиться в Великой Атлантике с другим судном равна одной второй – встреча то ли состоится, то ли нет.

Никто, однако, ничего не сказал – люди-то деликатные, даже Свистунов. В какой-то мере. Пари так и не состоялся.

День проходил за днем, вахта меняла вахту, рында отбивала склянки, Батеньков определял координаты и прокладывал курс, океан притворялся покладистым. Выныривал, пуская фонтан, кит-горбач, чьи бородавки на голове напоминали заклепки небывалого ныряющего судна и были способны вдохновить лейтенанта Гжатского на очередное изобретение. Один раз заштилило, и Пыхачев, выждав сколько хватило терпения, неохотно приказал разводиться пары. Но стоило только полосатой трубе корвета начать извергать дым, как при совершенно ясном небе налетел шквал, за ним другой, и задуло в шесть баллов. Опасались серьезного шторма, но ничего не произошло.

Вообще не происходило ничего серьезного. Можно было подумать, что лимит на опасные приключения уже исчерпан. Один матрос рассадил руку и был сведен в лазарет. Мичман Корнилович разбил нос, кувыркнувшись впотьмах через мешок с углем, и обратился к командиру с просьбой приказать расчистить проходы. Куда девать уголь? А почему бы не свалить хотя бы часть мешков в каюте некоего отсутствующего статского советника? Пропадает же помещение... Опечатано? Ну так что же! Поместить туда уголь под надзором, как арестованного, и вновь опечатать!

Пыхачев сердито отказал, но в тот же день держал совет с Розеном. Полковник рубанул сплеча:

– Хорошо сделали, что не позволили. Вы знаете, какие бумаги могут храниться у статского советника из Третьего отделения, и необязательно в несгораемом шкапу? Лично я не знаю и знать не желаю. Попасть под жандармское следствие – благодарю покорно!

Каперанг сочувственно покивал, затем вздохнул и перекрестился, вспомнив Лопухина. Снаружи было не понять, какая мысль пробежала в голове Пыхачева. Может быть, такая: «Эх, Николай Николаевич... Сами погибли, а мне головная боль», – а может быть, и такая: «Бывает же... Из Третьего отделения да к тому же статский – а ведь героически себя вел! Героически и погиб...»

Но Розен угадал, что каперанг подумал именно о Лопухине и ни о ком ином.

– Оставьте, Леонтий Порфирьевич, – сказал он грубовато. – Успеете еще заказать молебен по покойнику. Может, еще и не придется. Что мы, в сущности, знаем? Что Лопухина шибануло за борт – и только. Не удивлюсь, если он жив. Не всякий человек в воде тонет.

– Что вы хотите этим сказать? – приготовился оскорбиться Пыхачев.

– Только то, что сказал, а не то, о чем вы подумали. Лопухин – боец и умница, хоть и из Третьего... Притом слуга его за ним прыгнул. Вполне допускаю, что оба живы.

– Ну, если живы, тогда они в плену у исландских пиратов, а это, говорят, хуже смерти... – Пыхачев вновь перекрестился.

– Кому в конце концов придется хуже – им или пиратам, еще неизвестно, – задумчиво произнес Розен.

– Вы что-то знаете?

– Не больше вашего, Леонтий Порфирьевич. Просто такое у меня впечатление. А отчего оно такое – не спрашивайте, не смогу ответить.

Больше никто не вел разговоров о Лопухине. А мешки с углем остались там, где были.

С каждым днем все сильнее наваливалась жара. Ветер не приносил заметного облегчения. Пользуясь ровным пассатом, «Победослав» продолжал идти генеральным курсом, понемногу спускаясь к югу, и в полдень солнце нещадно жарило, зависнув почти в зените. Тень от грот-мачты не достигала фальшборта. К металлическим деталям невозможно было притронуться, чтобы не заработать ожог. Каждый час палубу щедро поливали водой из пожарной кишки – через пять минут после процедуры на абсолютно сухие доски настила трудно было ступить босой ногой. Закупленный в Понта-Дельгада ром, выдаваемый команде вместо водки, грозил закипеть прямо в кружках. Из ахтерлюков шибало таким духом, что баталер Новиков открывал их не иначе, как обернув лицо мокрой тряпицей.

От жары случались обмороки. Один из них случился с отцом Варфоломеем прямо во время молебна. Нехорошо вышло, безбожникам на радость... По совету доктора Аврамова Пыхачев приказал всему экипажу, включая и батюшку, периодически окатываться забортной водой. Движимый милосердием, каперанг также распорядился дважды в сутки выпускать арестованного машинного квартирмейстера Забалуева из его тесного узилища и непременно поливать водой.

– Гнида! – единодушно отзывались о нем матросы, сильно недовольные таким поручением, и старались как бы ненароком то пнуть арестованного, то огреть ведром. – Ох, и гнида же! За деньги всех продал! Возись с ним... Под коленки бы – и за борт... акулы насчет пожрать не привередливые, и дерьмо схарчат...

Слыша такие разговоры, Забалуев сутулился, втягивал голову в плечи и старался казаться меньше, чем был на самом деле.

Акул и вправду видели не раз. Однажды целая стая этих тварей увязалась за корветом и постепенно рассосалась лишь спустя трое суток.

Цесаревич редко появлялся на палубе. В кают-компанию он не заглядывал совсем – помнил, как его встретили там после сражения с пиратами. Лишь посылал ежеутренне дворецкого или камердинера за бутылкой вина в офицерский буфет. Чем он занимается у себя в каюте, никого не интересовало, но каждый был убежден: пьет напропалую. Утренняя бутылка – это ведь так, для разгона, а дальше пойдут крепкие напитки, благо запас их пополнен на Азорах.

Иногда цесаревич звал к себе Корниловича или Свистунова, но те предпочитали отказываться под благовидными предложениями. Не потому, что боялись Пыхачева или Враницкого, а потому, что, несмотря на открытые настежь иллюминаторы, жара в апартаментах цесаревича царила такая, что непривычный человек рисковал получить тепловой удар.

Иногда Михаила Константиновича навещал по собственному почину Аврамов, пробовал осмотреть пациента, щупал ему пульс, давал советы насчет образа жизни, не раз бывал послан

в неудобосказуемое место и как-то раз после такого визита, обильно потев и тяжело дыша, ненароком проговорился:

– Потрясающее у цесаревича здоровье, господа! Нет, я понимаю: алкоголь в значительных дозах отключает тепловые рецепторы... но все равно это что-то феноменальное! Железной стойкости организм. На целый год при такой жизни хватит...

Даже теплолюбивый Канчелялов начал ворчать на жару и ностальгически вспоминать про-мозглую балтийскую сырость.

Лишь ночью было хорошо – чудо как хорошо! Приятная прохлада ласкала измученное тело, и прояснялись мысли, и не хотелось ни богохульствовать, ни съездить кого-нибудь по уху ни за что ни про что. Перевернутый кратер неба с безумно щедрой россыпью немигающих звезд, криво перепоясанный кушаком Млечного Пути, завораживал всякого, чья душа еще не зачерствела в прошлогодний сухарь. В океане светились бесчисленные существа, и форштевень разбрасывал в стороны буруны зеленоватого света. И тянулась за кормой световая дорожка, медленно угасая вдали...

С бака, извечного места вечерних посиделок, слышалось хоровое, негромкое, берущее за душу:

Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару. —
Огни в моей топке совсем не горят,
В котлах не сдержать больше пару.
Поди доложи ты, что я заболел,
И, вахты не кончив, бросаю,
Весь по́том истек, от жары занемог,
Работать нет сил, помираю...

Бесхитростная, как матросская душа, песня, несколько странная при погашенных топках, но вполне уместная в тихую звездную ночь.

Иное дело кают-компания. Здесь не пели и не аккомпанировали на пианино, которого не было, поскольку в Понта-Дельгада не нашлось такого товара. Здесь после заката, дождавшись, когда сквозняк выдует невыносимую духоту, собирались свободные от вахты офицеры. Заглядывали ненадолго и вахтенные, чему не препятствовал Враницкий, сделавшийся как будто добрее. Даже технический гений всероссийского масштаба лейтенант Гжатский иной раз предпочитал провести вечер в кругу товарищей, а не в мастерской. Захаживали на огонек доктор Аврамов и священник отец Варфоломей.

Пили мало, больше беседовали. Общих впечатлений об Азорах хватило на три вечера, но затем...

– Есть в заведении мадам Генриетты одна штучка... ну, доложу я вам! Не женщина – песня. Жгучий романс. И вот что дивно, господа: сама шведка, белокурая и с виду будто сонная, а как дойдет до главного – ну просто вулкан страстей! Везувий с Этной!

Словом, впечатления обрели конкретику, очень понятную любому моряку в дальнем плавании.

– Это та, которую Сильвией зовут? Бросьте, мичман. Обыкновенная проститутка. С актерским талантом, не спорю, но внутри холодная, как снулая рыба. Это не страсть, это лицедейство... А как вам корейночка? Неужели не познакомились?..

И начинался азартный разбор сравнительных достоинств той и другой мадемуазель – кто из них «интересная штучка», кто даже «Цирцея», а кто «рвотный порошок».

– Ах, господа, господа... – огорчался Пыхачев. – Ну разве так можно? Чуть что – о ба... о женщинах. Брали бы лучше пример с лейтенанта Канчелялова. Он даже на вахте книжку о

Японии читает и выписки делает. Мы идем в Японию, а что мы знаем о ней? Нам ведь придется общаться с японцами. Как бы нам впросак не попасть.

Канчелялов, дернувшийся было при упоминании о чтении на вахте, понял, что командир не в претензии, и вновь расслабился.

– Нас вон сколько, а книжка одна, да и та на португальском, – подал голос Завалишин. – Ее через два словаря переводить надо.

– Вот лейтенант и переводит, полезным делом занят. А вы?

– А я лучше спрошу у него. Как насчет японцев, господин лейтенант?

Канчелялов пожал плечами, улыбнулся в усы:

– Что вам желательно узнать?

– Ну... вообще. Что они за люди?

– Это коты.

– Простите?..

– Во всяком случае, из кошачьих. Видите ли, кот – очень гордое, полное внутреннего достоинства животное. Можно обидеть кота, насмеяться над ним, и он сделает вид, что ничего особенного не произошло. Но запомнит накрепко и при случае отомстит. Тогда уж не жалуйтесь.

– В постель нагадит? – под общий смех предположил Свистунов.

– Все бы вам шутить, мичман, – насупился Канчелялов. – Вы бы лучше усвоили вот что: никаких особенных предрассудков насчет святости человеческой жизни у японцев нет и никогда не было. Особенно это касается жизни простолюдина или варвара. Запомните, мы для японцев варвары, господа. Пусть уважаемые, пусть охраняемые, пусть гости микадо – это японский император, – но варвары. Грубые, не знающие настоящей культуры и, простите, грязные. Снести такому голову – а почему бы, собственно, и нет? С точки зрения японца, конечно.

В кают-компанию задвигались, заговорили все разом:

– В каком смысле – грязные?

– В прямом. Моемся не в кипятке и, простите, пахнем.

– Однако!..

– Это мы-то варвары? А они тогда кто?

– Коты, как и было сказано. Кот – животное чистоплотное. С его точки зрения, всякий, кто не кот – варвар. Ха-ха.

– Ну знаете, на помойках живут такие коты, что...

– Бывают. Но грязный кот сам себе противен.

– Вот еще – коты они! Макаки желтозадые да еще наглецы вдобавок!

– Господа, господа...

– А почему они жизнь ни во что не ставят? Они ведь, кажется, буддисты?

– Не только. Еще и язычники. В душе каждого японца вполне гармонично сочетаются буддийские правила, сильно, впрочем, извращенные, и языческие предрассудки. Но вы не беспокойтесь – без причины они людей не режут. Напротив, удивительно вежливые люди. Хотя это сплошное притворство.

– Как это?

– Улыбаются, кланяются низко. Речи «по случаю» у них цветистые, поэтические и весьма образные. Пока японец доберется до сути дела, он десять раз вспомнит тигра, столько же дракона да еще приплетет цветок лотоса или ветку японской вишни. Но в душе – коты. Вот самураи – это японские дворяне – те тигры.

– Так в книжке написано? – заинтересовался Батеньков.

– Нет, такое заключение я сам вывел. Да вы прочтите, интересно будет сравнить наши впечатления.

– Благодарю покорно! Переводить с португальского на испанский, с испанского на русский... Да еще не врет ли автор?

– А чем они питаются? – неожиданно проявил интерес к не свойственной ему тематике Гжатский. Впрочем, технический гений как раз обдумывал проблему топлива для воздухолетательных машин и вопрос о еде задал машинально.

– Мышами! – хохотнул Свистунов.

– Господин мичман, извольте замолчать, – рассердился наконец Пыхачев. – А вы, Андрей Самсонович, продолжайте, не обращайтесь внимания.

Канчелялов слегка поклонился и с довольным видом пригладил усы.

– Вы не поверите, господа: японцы питаются преимущественно клейким рисом. Лепят из него колобки и макают их в черный соус из сои. Иногда добавляют к колобку маленький кусочек рыбы или моллюска. Кто победнее, тот обходится без рыбы, да и без соуса. Совсем нищие едят просяную кашу и по случаю овощи.

– Однако... Вынослив человек!

– Это еще не все. Сушеные и маринованные водоросли, всевозможная рыба, даже ядовитая, медузы...

– Неужели медуз едят? Вот пакость!

– И сырую рыбу тонкими ломтиками. Называется сасими. Едят также некоторых насекомых, например кузнечиков.

– Тьфу!

– А хлеб?

– Пекут, но мало. Так же мало едят мяса. С пастбищами для скота в Японии трудно – сплошь рисовые заливные поля, от которых воняет, потому что удобряют их тем, о чем в приличном обществе говорить не принято. Японские крестьяне целыми днями не вылезают из этой жижи.

Батеньков сделал движение кадыком. Молодые мичманы покатались со смеху.

– Нехристи, что с них взять. – Отец Варфоломей густо откашлялся. – Однако премерзостно. Неужели среди тех заблудших душ нет христиан?

– Почему же нет? Европейцы.

– А местные?

– Теперь практически нет, а раньше были, – пояснил Канчелялов. – Лет триста назад сиюгун Хидэясу Нобугава сломил сопротивление даймиосов – это японские удельные князья – и объединил страну политически. Потом объединил и духовно, перебив без пощады тех христиан, которые оказались тверды в вере. Потом вообще закрыл Японию для всех иностранцев, исключая китайцев и корейцев. Впоследствии голландцы добились от японского правительства привилегии основать торговую факторию, и уже сравнительно недавно, всего лет шестьдесят назад, европейские торговые суда получили право захода в порт Нагасаки. Заветы старины – это, конечно, неплохо, но без внешней торговли японцам никак не обойтись. И, наконец, всего пять лет назад во главе Японии встал император, сместив потерявшего реальную власть сиюгуна...

– Ну, это-то мы знаем из газет, – не совсем вежливо перебил Фаленберг. – Нам бы узнать побольше об обычаях японского народа...

Канчелялов беспомощно развел руками.

– Быть может, позже? Мне еще переводить и переводить. Закончу – сделаю обстоятельный доклад.

– Ну хоть какие-нибудь детали! – взмолился Завалишин. – Не хочется ведь показаться дикарем.

– Покажетесь, не сомневайтесь. Автор уверяет, будто Японию можно изучать всю жизнь и все равно не понять до конца. Я начинаю думать, что он прав... Ну ладно... Например. Что нужно, чтобы избавить жилье от злых духов?

Корнилович и Свистунов захихикали.

– Повесить в красном углу икону, – сказал Батеньков. – А не поможет, так пригласить попа освятить помещение.

– Это вы так считаете. А японец разбросает по всему дому сухие бобы и тем решит проблему.

– Н-да, – молвил Канчелялов. – Не знаю, убегут ли от бобов злые духи, но мыши прибегут, это точно.

– Вот мы и имеем пример сведения сложной проблемы к простой, – улыбнулся Гжатский. – С мышами, наверное, легче справиться, чем с духами?

– Котам, конечно, легче.

– Дальше, дальше! Тише, господа!

– Гм... Еще все без исключения японцы любят созерцать... Впрочем, виноват, исключение, наверное, имеется – слепые...

– Созерцать что?

– Что угодно: цветущую вишню, первый снег, гору Фудзи, пруд с кувшинками, какую-нибудь особенно кривую сосну, цаплю в полете, камни, изменчивость морских волн и облаков, луну... Кстати, забавная деталь: наиболее подходящим местом, чтобы любоваться луной, японцы считают уборную.

После секундной оторопи захохотали все. Отец Варфоломей, взрыкивая тяжелым басом, утирал рукавом рясы слезящиеся от смеха глаза.

– У кого запор, тот может даже и повить на луну, – вставил Свистунов.

Пыхачев не в силах произнести ни слова, только руками на него замахал.

Не смеялся один Гжатский – морщил лоб и даже задал вопрос о конструкции японских отхожих мест. Без стен и крыш они, что ли?

– Похоже, что так, – неуверенно согласился Канчелялов. – Вообще японцам наши понятия о приличиях кажутся смешными. С одной стороны, их возмущают декольте европейских дам...

– Ну вот еще! – Мичман Корнилович фыркнул в рюмку.

– ...с другой стороны, они свободно оголяются ради гигиены. Чистота тела для японцев свята. В любом японском городе можно ежедневно наблюдать, как нагие японки моются в деревянных бочках прямо на улицах перед своими домиками и переговариваются с соседками, сидящими в таких же бочках по другую сторону улицы. Причем, когда наступает время вылезти из бочки, японка ничуть не стесняется присутствия мужчин, будь то ее соотечественник или чужеземец.

– Вот это да! Хочу в Японию! – заявил Свистунов. – Что же вы, мучитель, с отхожих мест начали? А японки красивы? Я видел гравюры, так там не так чтобы очень...

– На любителя. Но большинство европейцев считают, что красивы и очень грациозны. Миниатюрные смешливые куколки большого изящества.

– Довольно о бабах, господа! – вмешался в разговор Враницкий, уловив недовольное движение Пыхачева. – Стыдно! Идем с важнейшей миссией, а туда же – стадо жеребцов... Имейте в виду: попадете в историю – ни Леонтий Порфирьевич, ни я покрывать ваши художества не станем. Замарал честь русского офицера – сам виноват. Всем понятно?

Фаленберг и Завалишин вышли на воздух – один готовился принять вахту, другой собирався соснуть в каюте часика четыре. Оба с удовольствием вдохнули ночную свежесть, залюбовались светящимся океаном.

Дул ровный пассат. Наполненные ветром паруса казались вылепленными скульптором. Чуть слышно гудели снасти. Шипела вода под форштевнем. Не вахта, а одно удовольствие. С бака доносилось негромко:

Напрасно старушка ждет сына домой.
Ей скажут – она зарыдает.
А волны бегут от винта за кормой
И след их вдали пропадает...

– Одно мне все-таки непонятно, – понизив голос, молвил Завалишин. – Почему мы идем в Японию, зная о ней не более российского обывателя? Не просто ведь идем, а с важнейшей миссией, как верно сказал Павел Васильевич... Почему никого из нас не проинструктировали еще в России? Да еще обход Англии с севера, бой с целой эскадрой... Ведь чудом же вырвались! Раньше я не думал об этом, а теперь у меня возникают странные мысли: планировалось ли, что мы дойдем до Японии? – Последние слова мичман выговорил шепотом.

Фаленберг только вздохнул – наверное, тоже уже думал об этом – и ничего не ответил.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой граф Лопухин вступает в диспут и получает поддержку с самой неожиданной стороны

От мыса Фарвель «Св. Екатерина» летела на вест-зюйд-вест так быстро, как только позволял ветер. К счастью, он позволял поставить все прямые паруса до трюмселей включительно. Теперь, когда дело сделано, когда игру уже не переиграешь заново, оставалось единственное: сохранить удачу чистой. Иными словами – прочь от гренландских берегов! Как можно быстрее и как можно дальше.

Шли без флага – Лопухин приказал спустить Юнион Джек, едва берега Гренландии растаяли в дымке над горизонтом. На ходу покрасили английское название баркентины – и исчез несуществующий корабль его величества «Ulisses». Лопухину очень хотелось вывести на бортах церковнославянским шрифтом «Св. Екатерина», но подождать с этим было не только можно, но и должно. Еще будет время лечь в дрейф при штилевой погоде и заняться не только названием, но и множеством иных несрочных дел.

Сейчас – только на запад! Чем скорее, тем лучше.

И пусть рассудок подсказывает: в этих водах почти безопасно. «Почти» – это еще не «наверняка». Даже в пятистах милях к западу от южной оконечности Гренландии еще возможна встреча с исландцами. На холодных, пронизанных ветрами северных островах, обширных, но никому, кроме исландцев, не нужных, разбросаны их редкие и малочисленные поселения. Должны же они иметь хотя бы эпизодическую связь с Ньюфаундлендом, а то и с Рейкьявиком! Да и с китобойными судами, время от времени навещающими в эти воды, встречаться совершенно незачем. Баркентина с приметам той, что навела шороху на тайной пиратской базе, должна исчезнуть бесследно.

А славный вышел шорох! Матросы злорадно смеялись, вспоминая, как пушки баркентины разнесли по бревнышку док, склады, причалы с прикорнувшими возле них суденышками и добрую половину поселка. Людей можно было понять. Тот, кто был заживо похоронен в угольных шахтах Шпицбергена, кто из человека был превращен в рабочую скотину, кто изо дня в день копошился в черной преисподней, харкая кровью и принимая удары плети, кто потерял веру в самый смысл богом данной жизни, кого, замучив работой, сыростью и холодом, и не хоронили-то по-человечески, – имел право на месть. Пусть эти гренландцы прямо не причастны к морскому разбою – ну и что? Они пособники пиратов. Их не очень-то завидная жизнь, их мирный с виду труд – кровь и слезы для моряков половины мира.

Да и сама база наверняка принадлежит какому-нибудь ярлу...

И поэтому – огонь!

Прицельный. Беспощадный.

Лопухин и Кривцов с трудом заставили озверевших комендоров прекратить пальбу. Горячие головы намеревались спустить шлюпки, высадить десант и перебить в поселке все, что шевелится. По счастью, безумие охватило лишь часть матросов палубной команды, и с ним удалось справиться. Незаметными тычками под ребра Лопухин временно успокоил двоих-троих самых буйных, еще одного ударом в ухо свалил Еропка, но наибольший вклад в восстановление порядка внес, пожалуй, новоявленный боцман Аверьянов.

– Хорош, братва! – ревел он, с нечеловеческой силой отшвыривая самых настырных. – Побаловали – будет. По местам!

Мраксист – а союзник! Даже удивительно.

Баркентина ушла, не довершив уничтожение поселка. Лопухину были нужны свидетели. Без сомнения, британский флаг был хорошо виден с берега. Исландские пираты не из тех, кто подставляет другую щеку.

Трудно сказать, где, когда и как они нанесут ответный удар, но в том, что это случится, сомнений нет. Рыхлая пиратская республика, объединенная лишь стремлением безнаказанно грабить, не способна помешать мести оскорбленного ярла. По всей видимости, заносчивую и бесчестную Британию ждет неприятный сюрприз.

Увы, скорых известий об этом ждать не приходится...

Россия не пострадает, если обман раскроется. Россия легко отмежуеться от авантюры графа Лопухина, потерявшего, надо думать, рассудок в пиратской неволе. Что возьмешь с полоумного, господи!

Всё так. Сам решил, сам сделал. На свой страх и риск, прекрасно отдавая себе отчет о возможных последствиях. И нечего больше об этом думать.

Выстроенной на шканцах команде Лопухин сказал так:

– Запомните, как «Отче наш»: не было никакой бомбардировки. Никто из вас даже издали не видел берегов Гренландии. Мы прошли Датским проливом, прижимаясь к исландским берегам и выдавая себя за пиратское судно. Кто думает иначе?

Аверьянов ухмылялся – не дурак, мол. На лицах некоторых матросов граф прочел недоумение и поспешил добавить:

– Для медленных умом специально поясню: мы отплатили пиратам так, как не смогла бы отплатить эскадра броненосцев. Но если кто-нибудь из вас по пьяному делу, в беспамятстве или из пустого хвастовства проболтается о том, что мы сделали, – я не завидую такому болтуну. Напавший на мирное селение под чужим флагом по закону считается пиратом. Болтун пожалеет, что не сгнил в шахте, и я ничем не смогу ему помочь. Хуже того, все наши труды окажутся напрасными. Поэтому категорически приказываю молчать даже на исповеди – для вашей же пользы. Придет время помирать – молчите и на смертном одре. Понятно?

Ответный гул можно было, пожалуй, счесть одобрительным, и Лопухин несколько успокоился. Умным достаточно, а тугодумам объяснят. Но перед Сандвичевыми островами придется сделать команде еще одно внушение – колония все-таки голландская, а голландцы вторые после англичан негласные пособники исландских пиратов. Одно-единственное слово может обойтись так дорого, что и думать не хочется. Но в этот день Лопухин ничего не сказал команде о Сандвичевых островах и курсе на Иокогаму. Есть такие неприятности, о которых людям, право же, лучше не знать заранее. Сейчас его занимало совсем другое.

Более чем вероятно, что на борту «Победослава» остался по меньшей мере еще один агент – на сей раз не иностранец, а свой, но от того не легче. Жизнь цесаревича по-прежнему в крайней опасности. И некий статский советник, приставленный оберегать жизнь наследника престола, в данную минуту ничего не может сделать!

Только одно ему по силам: спешить к Сандвичевым островам, надеясь застать корвет там. Лететь так быстро, как это возможно. Молиться, чтобы убийца не успел осуществить свое намерение.

И еще – думать.

Постараться вычислить: кто враг?

Документы, собранные Третьим отделением, граф изучил еще до выхода из Кронштадта. Обладая великолепной памятью, тренированной годами службы, Лопухин мог почти дословно воспроизвести личное дело каждого офицера и даже унтер-офицера «Победослава».

Вопрос: что это даст?

Не много. Прежде всего, врагом может оказаться вовсе не офицер, а самый незаметный из нижних чинов, включая сюда и морпехов Розена. Поди проверь всех и каждого!

Далее, убийца, вполне вероятно, имеет блестящий послужной список и незапятнанную репутацию. Если в заговоре участвуют персоны ранга морского министра – удивляться тут нечему. Изучение личных дел, даже самое внимательное, вряд ли позволит сузить круг подозреваемых.

Но только на первый взгляд. Могло и даже очень могло случиться так, что для исполнения гнусного дела заговорщики выбрали безупречного человека. Высокие идеалы – это одно, а пролить кровь цесаревича – совсем другое. Для сего грязного дела нужен либо невероятный патриот, готовый во имя великой цели пожертвовать не только жизнью своей, но и именем честного человека, либо редкостный негодяй, либо человек безупречный, и третье всего вероятнее. Можно предположить, что он «на крючке» у заговорщиков. В таком случае изучение личных дел может иметь смысл – но изучение сугубо внимательное, на предмет подчисток и недомолвок. Что-то может всплыть – либо неоплатные долги, либо тщательно скрываемое преступление, либо тайный и стыдный порок вроде пристрастия к содомии.

Совсем не факт, что из попытки выйдет толк, но все же стоит попробовать. Иногда одно-два слова в личном деле могут навести на след. Ничего другого все равно не остается...

В дверь каюты уже не первый раз деликатно стучал Нил – граф знал его стук. Робко постучит, подождет с полминуты, постучит снова. Догадается, что графу сейчас не до юнги, уйдет, а через четверть часа вернется – и снова: тук-тук-тук. Небось пришел просить какую-нибудь книжку. Но на русском здесь ничего нет, а все картинки в книгах на английском, немецком и датском он уже видел не один раз. Значит, книжка лишь предлог войти и поболтать. Очень жаль, но не время.

На сей раз стук явно принадлежал Нилу, но был настойчивее прежнего. Пришлось открыть дверь.

- Что-то случилось?
- Пока нет, барин, но...
- Сколько тебе раз говорить, чтобы не звал меня барином? Как меня зовут?
- Ваше высокородие...
- «Высокородия» давно отменены. Попытайся еще раз.
- Ваше высокоблагородие. Или ваша светлость.
- Это на людях. А наедине?
- Николай Николаевич...
- Ну наконец-то. Что у тебя?
- Среди матросов разговоры – куда, мол, идем?
- Ну и что?
- Не туда, мол. Так они говорят. Некоторые злые.
- Спасибо, я знаю.

Нил не спросил, откуда граф знает о настроении матросов, – привык, что тот вообще мало чего не знает. Кивнул, вздохнул и, поняв, что сейчас к барину лучше не подступаться, испарился.

Надо бы с ним сейчас побеседовать, да недосуг. Ничего, мальчишка уже более-менее оправился от подземного кошмара, дальше пусть сам. Телом хил, но стержень внутри имеет. Такому тепличные условия лишь во вред.

Итак. Документы. Личные дела.

Гимназия или реальное училище, Морской корпус, производство в первый чин, служба там-то и сям-то, участие в таких-то и сяких-то походах и кампаниях, награды, ранения... Послужные списки русских морских офицеров отличаются друг от друга длиной и блеском, но не общей канвой. Дополнительные сведения дают больше. Прежде всего – происхождение. Немало потомственных дворян, но есть и дети разночинцев. Канчелялов, например, сын священника. Еще лет тридцать назад таковых называли офицерами «черной кости» и зажимали

при всяком удобном случае. Да и сейчас, что греха таить, пробиться в адмиралы из низов сложнее, чем из аристократии... хотя есть замечательные исключения, тот же морской министр Грейгорович, к примеру...

Дает это что-нибудь?

Нет.

Далее. Судя по представленным Сутгофом документам, которые Лопухин предпочитал именовать на французский лад «досье», ни один из офицеров «Победослава» не был связан с Третьим отделением. Случайность ли? Возможно ли, что деликатная миссия «внутренней» охраны цесаревича была доверена всего-навсего одному человеку, графу Лопухину?

Да, возможно, учитывая репутацию последнего. Но нет худшей ошибки, чем иметь о себе преувеличенное мнение. Поставив себя на место шефа Отдельного корпуса жандармов, Лопухин признал: если бы планирование охраны цесаревича было поручено ему, он обязательно ввел бы в экипаж своего агента. Береженого бог бережет. Подстраховка агента явного агентом тайным никогда не бывает лишней.

Стало быть, следует исходить из того, что существует еще один агент?

Стало быть, да.

И тут наибольшее подозрение падает на мичмана Свистунова. Был взят на борт в последний момент, пьянствовал с цесаревичем, дерзок, за словом в карман не лезет, сознательно вызвал неприязнь к себе со стороны агента явного...

Кто он: союзник или враг?

Неизвестно, на чьей стороне Сутгоф. Если он не участвует в заговоре против цесаревича и, следовательно, второй агент – союзник, то почему он действует в одиночку? У семи нянек дитя без глазу. Быть может, «наверху» не вполне доверяют статскому советнику Лопухину?

Возможный вариант. Оскорбительно, но надзирать за надзирающими – давняя традиция.

Но нельзя – ни в коем случае нельзя! – исключить и того, что тайный агент Третьего отделения имеет задание ликвидировать цесаревича...

Еще одна возможность: статского советника Лопухина разыгрывают втемную.

С какой целью?

Есть два пути к двум разным ответам. И выбор между ними определяется тем, на чьей стороне Сутгоф.

Можно ли попытаться вычислить это?

Попытаться – да. Получить точный ответ – нет.

Задача...

Табачный дым висел в каюте слоями. Лопухин выпустил изо рта дымное кольцо – маленькое, шустрое и какое-то злое.

Замкнутый круг. И мысль бежит по кругу, как лошадь на корде, не в силах вырваться на простор.

Ладно. Пусть. В конце концов может оказаться так, что Свистунов вовсе ни при чем. Кстати, если бы он имел задание устранить цесаревича, кто мог помешать ему опохмелить его императорское высочество еще в Данциге?

И тем не менее он подозрителен.

А кто еще?

Боцман Зорич?

Безусловно подозрителен. Чего стоит одно его показное геройство. Однако... оно вовсе не показное, учитывая поведение боцмана в бою. Возможно, он без двойного дна – просто бесстрашный старый служака, заматеревший на службе.

Каперанг Пыхачев?

Тоже не исключено! Слишком уж легко уступил он нажиму цесаревича и лег на курс, приведший к встрече с пиратами. Хитрый враг или просто тряпка? Правда, в бою держался

молодцом, но это как раз бывает – храбрейшие вояки иной раз боятся высокопоставленных особ больше, чем противника.

Полковник Розен?

Слишком уж прям, все колючки наружу, не умеет сдерживать свои эмоции... или нарочно не хочет? Если это маска, то, ей-ей, замечательная. Bravo! И главное: ему проще, чем кому бы то ни было, устранить цесаревича.

Капитан-лейтенант Враницкий? Лейтенант Гжатский? Мичман Корнилович? Священник отец Варфоломей? Эти и остальные менее подозрительны, но нельзя же считать врагом человека на том основании, что он вне подозрений! Это не метод – это извращенная логика господ сочинителей романов о сыщиках!

Итак, под особым подозрением: мичман Свистунов, боцман Зорич, каперанг Пыхачев, полковник Розен. Именно в такой последовательности.

Досье на боцмана самое тощее. О Розене сведений нет вообще. Пыхачев – боевой офицер, участник двух кампаний, далее список наград, и вообще его досье смахивает на панегирик. Для командования судном, несущим на борту особу императорской фамилии, кандидатура вполне подходящая. Происхождение: из дворян Пензенской губернии. Женат, супруга с двумя дочками проживает в Петербурге на Гороховой в собственном доме. Неплохо для каперанга!.. Ага, вот и ответ: Капитолина Ефремовна Пыхачева, в девичестве Ряпушкина. Кто не знает промышленников Ряпушкиных? За такой невестой можно получить в приданое дом не в самой худшей части столицы и сверх того еще тысяч триста. Особенно если невеста нехороша собою. Хотя это как раз необязательно – все-таки через нее Ряпушкины породнились со столбовым дворянским родом, да и учли, наверное, карьерный потенциал бравого моряка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.